

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 9

Редакторъ-Издатель

Профессоръ

И. А. Ильинъ.

Повѣрьте, что Богъ не даромъ повелѣлъ каждому быть на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ теперь стоитъ.

Гоголь.

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 9

Редакторъ-Издатель

Профессоръ

И. А. Ильинъ.

---

1 9 3 0

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
1. Непобѣдившій герой. И. А. Ильинъ	3
2. Отживающая идея. Б. А. Штейфонъ	7
3. Идея національной науки. И. А. Ильинъ	12
4. Начальныя основы строительства будущей русской арміи. П. А. К. Баіовъ	21
5. Замятки о русскомъ судѣ. В. П. Носовичъ	29
6. Домовой. Н. Н. Ильина	39
7. Волевые русскіе люди. М. В. Шахматовъ	44
8. Русскій просторъ. Б. А. Никольскій	48

I. Кто править въ Россіи. Редакторъ	55
II. Пражскіе русскіе курсы для дѣтей. И. И. Лаппо	60
III. О божественномъ Провидѣніи. Отрывокъ изъ Сенеки	63

НЕПОБѢДИВШІЙ ГЕРОЙ*).

Неся свое историческое бремя, въ борьбѣ за свою свободу и за свой духовный расцвѣтъ, каждый народъ нуждается въ герояхъ, въ людяхъ *силы, прозрѣнія и ответственности*; въ людяхъ, которые, разрѣшивъ въ самихъ себѣ всѣ противорѣчія и затрудненія національнаго характера и преодолевъ въ самихъ себѣ его слабости и соблазны, могли бы тѣмъ самымъ возглавить свой народъ и повести его за собою въ его національной борьбѣ. Имъ нужна *прозорливость* для того, чтобы увидѣть пути и судьбы своего народа; имъ нужна *сила*, чтобы волею своею принять на себя и поднять историческое и государственное бремя своего народа; имъ нужно величайшее чувство ответственности для того, чтобы идти самому и вести свой народъ къ вѣрной цѣли, рѣшиться за себя и за него и одолевать слабости и соблазны *его души* такъ, какъ они побѣдили ихъ въ *своей душѣ*...

И, если это вѣрно примѣнительно къ каждому народу, то это относится въ особенности къ *нашему* народу и нашей странѣ. И если всѣ народы нуждаются въ герояхъ и вождяхъ, то Россія не можетъ безъ нихъ ни быть, ни строиться, ни цвѣсти. Ибо въ силу множества расовыхъ, историческихъ и географическихъ условій русскому человѣку не часто удается выковать, воспитать и укрѣпить свой характеръ, довести его, по слову Пушкина, до того *само-стоянія*, до той *уравновѣшенной творческой свободы*, которая необходима намъ для того, чтобы нести и творить Россію; до той властности и спокойной зрѣлости духа, которой Россія въ правѣ требовать отъ каждаго изъ насъ, требовать не только ради насъ самихъ, но и ради нея самой...

Русскому народу свойственно особое своеобразное распределеніе запасовъ личной воли и характера: большинство на уровнѣ ниже средняго, даровитое и благодушное человѣческое множество, сильное своею цѣлкостью, приспосабливаемостью и терпѣніемъ, но рыхлое въ рѣшеніяхъ и удобособлазняемое въ чувствахъ; и, наряду съ этимъ, отдѣльные, могучіе, кованые люди, въ которыхъ это множество нуждается, которымъ лучшіе изъ этого множества рады преданно служить и черезъ которыхъ каждый изъ этого множества — и чѣмъ преданнѣе онъ вождю, тѣмъ это сильнѣе и больше, — крѣпнеть и какъ бы мужаясь, закаляется, не выходя изъ своихъ предѣловъ.

* Рѣчь, произнесенная въ Берлинѣ 1930 года на торжественномъ собраніи памяти адмирала Александра Васильевича Колчака.

Иногда кажется, что это по истинѣ про насъ сказано: «поражу пастыря и разсѣются овцы...»

Чѣмъ больше и исторически безпримѣриѣ бремя Россіи, какъ великаго государственнаго и духовнаго единства; и чѣмъ менѣе мы разрѣшили проблему воспитанія русскаго національнаго характера, — слѣдовательно: чѣмъ больше здѣсь несоотвѣтствіе и чѣмъ труднѣе задание, — тѣмъ необходимѣе намъ вожди и герои, тѣмъ естественнѣе у насъ культъ героевъ, тѣмъ большій вѣсъ они сами имѣли и будутъ имѣть въ исторіи и въ судьбахъ нашей страны.

Не спрашивайте, *откуда* наше историческое крушеніе, какъ могло оно возникнуть: оно всецѣло опредѣляется несоотвѣтствіемъ между нашимъ національно-историческимъ *бременемъ* и *незрѣлостью*, незакрѣпленностью нашего національно-историческаго *характера* и *правосознанія*... И враги Россіи знали, знаютъ и нынѣ, куда они загоняли погибельный клинъ, когда увлекали насъ на пути, безмѣрно увеличивающіе это бремя и въ то же время расшатывающіе нашъ характеръ и наше правосознаніе...

Въ этомъ объясненіи, въ этой формулѣ собраны и объединены, предусмотрѣны и включены *всѣ* факторы, *всѣ* объясненія, *всѣ* причины русской революціи. И понятно, что когда историческія обстоятельства сложились въ Россіи въ началѣ двадцатаго вѣка именно такъ, какъ это было: когда на неокрѣпшіи еще, послѣ натурально-крѣпостническаго хозяйства и права, организмъ страны обрушились всѣ блага и всѣ *соблазны* частно-хозяйственнаго и капиталистическаго уклада и мірового рырка; когда русскій крестьянинъ еще не научился быть ни собственникомъ, ни полноправнымъ гражданиномъ, а война потребовала отъ него величайшихъ хозяйственныхъ напряженій и гражданственныхъ жертвъ; когда, слѣдовательно, при слабомъ организмѣ бремя испытаній непосильно удвоилось и утроилось, а соблазны зависти, жадности, воинскаго и гражданскаго безчестія — удесятились; когда государственно-историческія опоры религіознаго правосознанія вдругъ сорвались со своихъ цѣней и рухнули въ пронасть, — тогда правосознаніе и характеръ народныхъ массъ не выдержали и соблазнъ революціоннаго безчестія сдѣлался неодолимымъ.

Тогда пробилъ историческій часъ: и лавстрѣчу шабашу революціонной нечисти, лавстрѣчу малодушію, соблазну и крушенію. — какъ бы на вызовъ національной совѣсти и чести, какъ бы на зовъ національнаго инстинкта самосохраненія — встали наши герои и вожди.

Однимъ изъ первыхъ и обаятельныхъ былъ адмиралъ Колчакъ...

Человѣкъ, какъ бы выкованный изъ благородства и потому безмѣрно страдавшій отъ чужой низости, настоящую низенность которой онъ даже не могъ ни измѣрить, ни вообразить.

Русскій патріотъ, мечтавшій объ одномъ — возвеличить Россію своимъ подвигомъ, и обреченный на то, чтобы пережить годы величайшаго всероссійскаго униженія и позора. Воинъ, созданный для борьбы, упоенно отдававшійся ей, прозрѣвавшій вмѣстѣ съ Гераклитомъ Эфесскимъ ея таинственную судьбоносность, умѣвшій, какъ рѣдко кто, вырывать у судьбы военное счастье, — и носившій въ своемъ сердцѣ исчезающее предчувствіе своей трагической обреченности. Герой, не искавшій власти, но приведенный къ пей въ порядкѣ самоотверженнаго служенія. Морякъ по призванію, которому судьба навязала задачу: организовать океанъ сибирскаго материка и возглавить небывалую по протяженности сухопутную кампанію. Солдатъ, таившій въ себѣ ученаго и мыслителя, и не предвидѣвшій, что Россія потребуетъ отъ него опыта государственнаго вождя и искусства политическаго демагога. Рыцарь, окруженный стихією черни и преданный вѣроломными иностранцами на растерзаніе этой черни... Образъ величайшаго трагическаго обаянія: непобѣдившій и непобѣжденный герой; образъ, который будетъ возвеличенъ грядущими поколѣтіями и въ памятникахъ, и въ созданіяхъ словеснаго художества...

Непобѣдившій... Но непобѣдившій только свиду.

Ибо *герой побѣждаетъ всегда*: и тогда, когда расхолодившіяся стая черни терзаютъ его трупъ, какъ было съ Корниловымъ; и тогда, когда таинственный недугъ внезапно угашаетъ неопалимую купину его духа, какъ было съ Врангелемъ; и тогда, когда революціонныя банды предательски овладѣваютъ имъ и разстрѣливаютъ его, какъ «врага народа»... Герой побѣждаетъ и тогда, когда исторія ставитъ его подвигъ въ рамки внѣшней неудачи: ибо и тогда его жизнь и его смерть остаются живымъ національно-пророческимъ голосомъ, зовущимъ черезъ вѣка къ чести и вѣрности, къ мужеству и жертвѣ. Такой герой какъ бы *начинаетъ* дѣло національнаго возрожденія и побѣды надъ соблазномъ. Знаемъ: не онъ закончитъ его. Но тотъ, кто закончитъ его, — довершитъ свое дѣло только благодаря тому, что *онъ* его началъ. Ибо есть герои основоположники, вожди начала; и есть герои довершители, вожди конца. Горе странѣ, которая не найдетъ въ себѣ героевъ основоположниковъ, вождей начала! Она останется въ бурю безъ компаса и руля: въ степи, въ ночномъ бурянь безъ звѣздъ; и бѣсъ заводитъ ее и закружитъ до конца. Болѣзнь овладѣвающая ею настолько остра и глубока, что духъ ея не откликается подвигомъ на самое послѣднее униженіе, на предѣльное безчестіе.

Нынѣ, созерцая исторически пройденный путь борьбы, мы видимъ и знаемъ, что нашимъ «героямъ начала» невозможно было побѣдить расплескавшуюся стихію *всемірнаго безчестія, русской безхарактерности и революціоннаго соблазна*. Видимъ и разумѣемъ это; и видя, и разумѣя это, утверждаемъ, что наши основоположники, если бы они сейчасъ увидѣли всѣ двѣнад-

цать прошедшихъ лѣтъ, и если бы дана была имъ возможность вернуться къ началу борьбы и заново сложить свой путь, — опять выбрали бы свой прежній путь и поступили бы во всемъ духовно-идейномъ такъ же, какъ поступили въ первый разъ. Ибо герой выбираетъ свой путь и идетъ — не по путямъ внѣшняго только успѣха (этотъ успѣхъ зависитъ вѣдь не только отъ него; вѣдь далеко не все историческое въ его власти...): онъ идетъ по путямъ внутренней, духовной необходимости и внѣшняго успѣха онъ ищетъ именно на этихъ путяхъ: онъ не кушилъ бы «внѣшняго успѣха» — ни цѣною слабости и безхарактерности, ни цѣною униженія и безчестія. Это путь — не героевъ и не вождей; на этомъ пути люди не вступаютъ въ пантеонъ національныхъ героевъ, уже потому, что спасительная волевая идея не оспянетъ безчестное сердце и соблазненную главу.

Побѣда героя не измѣряется ни его внѣшней неудачей, ни его внѣшней удачей — вопреки мнѣнію толпы. Есть другія, *несозвучныя мѣрила правоты*; есть другіе, *сокровенныя критеріи реальности*. И этими мѣрилами живетъ герой; и въ этомъ планѣ онъ творитъ свою правоту и побѣду.. И грядущія, исцѣленные отъ бѣснованія, русскія поколѣнія будутъ цѣнить и мѣрить — и нашихъ вождей, и всѣхъ насъ — этими мѣрами правоты и реальности.

Да, когда нибудь впоследствии, когда наше крушеніе будетъ изжито и преодолено до конца, и насъ уже не будетъ, и исторія русской революціи перестанетъ быть русскою мѣкою, а станетъ созерцаніемъ русскихъ страданій, отошедшихъ въ прошлое, — будутъ сказаны справедливыя и мудрыя слова о нашей борьбѣ и о нашихъ вождяхъ. Они будутъ сказаны не нами, несущими эту мѣку и ведущими эту борьбу, а тѣми, кто, умудрившись нашей мѣкою и наслаждаясь тѣмъ справедливымъ исходомъ, которымъ увѣнчается наша борьба, увидитъ изъ нѣкотораго историческаго удаленія *національно-духовную плодотворность этой мѣки и государственно-національную необходимость* этой закончившейся борьбы...

Ибо. — вѣрьте, друзья мои, вѣрьте всею силою вашей очевидности и вашей воли, — мѣка наша будетъ плодотворна для нашей родины и борьба наша необходима для бытія и самостоянія нашей чудесной Россіи! И страдаемъ мы не бессмысленно; и боремся мы за то, за что и мы, и все человѣчество — *должны бороться и призваны бороться*...

И тогда, когда въ разлагающемся вокругъ насъ историческомъ болотѣ, въ которомъ мы стоимъ, попруженные по шею, набѣгаетъ на насъ мутная и ядовитая волна какой то полои наводи, когда самая трясина, кажется, колеблется подъ нашими ногами и заливаєтъ насъ минутами до самаго рта, — тогда мы знаемъ и вѣримъ съ особенною силою и ясностью, что мы призваны стоять до конца въ вѣрѣ и вѣрности и что этимъ

— молитвенно-заклинающимъ и до конца несоблазненнымъ, — все преодолюющимъ стояніемъ нашимъ мы уже побуждаемъ и выпашиваемъ, и подготавливаемъ грядущую внѣшнюю побѣду.

Такъ, именно такъ до конца стоялъ, и тѣмъ самымъ побѣдилъ, и насъ научилъ побѣдъ нашъ, свиду непобѣдившій русскій національный герой Александръ Васильевичъ Колчакъ.

И. А. Ильинъ.

ОТЖИВАЮЩАЯ ИДЕЯ.

Въ числѣ другихъ идей, полученныхъ въ наслѣдство отъ XIX вѣка, идей, абсолютная и практическая цѣнность которыхъ считалась неоспоримой, была и идея всеобщей воинской повинности.

Система всеобщей воинской повинности возникла болѣе столѣтъ назадъ, какъ слѣдствіе политическаго и военнаго разгрома Пруссіи.

Но Тильзитскому миру, Пруссія могла содержать армію лишь въ 42 000 чел., должна была уничтожить рядъ своихъ крѣпостей и выполнить длинный перечень условій, фактически низводившихъ наслѣдниковъ Фридриха Великаго на положеніе послушныхъ вассаловъ Наполеона. Переживанія національнаго несчастья пробудили въ германскомъ народѣ стремленіе къ нравственному и политическому возрожденію. Страна покрылась сѣтью патріотическихъ обществъ «Союза Добродѣтели». «Ночные всадники» Люцова вели жестокую партизанскую борьбу въ тылахъ французскихъ армій. Разрозненная, уничтоженная Германія вынашивала идею единого германскаго народа.

Лучшіе нѣмецкіе поэты призывали къ освобожденію отъ французской гегемоніи и къ объединенію націи. Короче говоря, Германія вообще, а Пруссія въ особенности переживали въ тѣ годы величайшій патріотическій подъемъ. Творцы всеобщей воинской повинности — Шарнгорстъ и Штейнъ, создавая совершенно новую тогда военную систему, имѣли дѣло при практическомъ ея осуществленіи съ такимъ первокласснымъ, въ смыслѣ патріотизма, матеріаломъ, какимъ были нѣмцы въ началѣ XIX вѣка. Вновь созданная военная система базировалась на основномъ принципѣ — на священномъ правѣ каждаго граждаина защищать свое отечество.

Ни Шарнгорсту, ни Штейну, ни Гёте, ни милліонамъ другихъ нѣмцевъ не могла, конечно, придти въ голову мысль, что нѣмецъ можетъ быть равнодушенъ къ судьбамъ своей Родины. Примѣры Испаніи и Португаліи и ихъ успѣшная борьба съ Массеной, однимъ изъ лучшихъ наполеоновскихъ маршаловъ,

подтверждали, какія чудеса могло творить *осознанное національное чувство*.

Вновь возрожденная прусская армія, въ кампаніяхъ 1813 и 1815 г.г. вполне оправдала надежды своего народа. Система всеобщей воинской повинности, давшая нѣмцамъ столь блестящіе результаты въ ихъ борьбѣ съ Наполеономъ, постепенно была усвоена всей Европой. «Священное право» защищать свое отечество стало неоспоримымъ для всѣхъ народовъ.

Дюшпельскіе и альзенскіе успѣхи нѣмцевъ въ Датской войнѣ 1863 г. и громкая побѣда надъ австрійцами при Садовой въ 1866 г. еще болѣе укрѣпили вѣру въ превосходство прусской военной системы, основанной на принципѣ всеобщей воинской повинности. Франко-прусская война 1870—71 г.г. вознесла эту вѣру уже на высоту догмата.

Зароженіе и развитіе этого принципа совпало, какъ разъ съ періодомъ развитія въ Европѣ милитаризма, какъ слѣдствія Наполеоновскихъ войнъ. Прельщенные *идеей количества*, народы въ теченіе XIX вѣка не учитывали, повидимому, того обстоятельства, что новая система жизненна лишь при наличіи *мудраго равновѣсія между качествомъ и количествомъ*. Какъ это часто бываетъ, *форма стала преобладать надъ идеей*. Вѣдь войска Блюхера и Мольтке были сильны, конечно, не только своимъ числомъ, но главное — духомъ. Поэтому, въ прусской арміи, сила и духъ, т. е. количество и качество развивались въ нормальномъ соотношеніи.

Иное мы видимъ при отсутствіи подобнаго равновѣсія. Австрія, тоже воспринявшая новую военную систему, является на протяженіи всего XIX столѣтія примѣры, обратные прусскимъ. Усвоивъ только форму и не обладая тѣмъ однороднымъ, въ своей массѣ, одинаково чувствовавшимъ населеніемъ, какъ въ Пруссіи, двуединая монархія не обладала и сильной духомъ арміей. Поэтому, за исключеніемъ побѣды надъ итальянцами (Кустоца, 1866 г.), Австрія не могла похвалиться ни однимъ крупнымъ военнымъ достиженіемъ. Не уравнивленное качествомъ, австрійское количество, въ силу неизбѣжныхъ законовъ военного дѣла бывало обречено на пораженіе.

Разгромъ австрійцевъ при Садовой (1866 г.), когда половина потерь маршала Бенедика пришлась на долю плѣнныхъ и дезертировъ, живо напоминаетъ картину военного оскудѣнія итальянцевъ при Каппорето въ минувшую войну (убитыхъ и раненыхъ—40 тысячъ, плѣнныхъ—350 тысячъ и дезертировъ—до 400 тысячъ!).

Мецъ, Седанъ и рядъ полевыхъ боевъ во время франко-прусской войны; Портъ-Артуръ и Мальчжурская кампанія въ Русско-Японскую войну; примѣры Россіи, Германіи, Австріи, Италіи въ міровую войну, все это доказываетъ наглядно и убѣдительно, что *численно сильныя арміи, духъ коихъ не равно-*

цѣненъ ихъ формамъ, не являются арміями, способными надежно охранить интересы своихъ государствъ.

Первопричина подобнаго явленія неоспорима: въ теченіе миѣувшаго столѣтія, европейскія арміи стремительно лѣдовали по путямъ, указаннымъ Шаригорстомъ; однако, за это время въ жизни народовъ выявились новыя духовныя теченія, идеалы коихъ нисколько не напоминаютъ націоналистическое движеніе начала ХІХ вѣка.

Въ жизнь народовъ вошли и закрѣпились такіе факторы, какъ *соціализмъ* и *коммунизмъ*, съ ихъ отрицаніемъ религіи, націонализма и патріотизма, съ ихъ проповѣдью классовоі боръбы, идей интернаціонала и т. д.

Если раньше существовали только русскіе, французы, нѣмцы, англичане и т. д., то теперь многіе милліоны людей расцѣпиваютъ себя совсѣмъ по инымъ признакамъ. Въ каждомъ государствѣ существуютъ нынѣ обширные слои гражданъ, открыто заявляющихъ, что національные интересы ихъ родины не только имъ непонятны, но и враждебны. Эти слои, исчисляющіеся нерѣдко милліонами, по свѣому «честно» предупреждаютъ свое государство, что они являются активными и непримиримыми врагами — какъ существующей идеи государственности такъ и «священной обязанности» защищать свое отечество.

Естественно, что возникаетъ вопросъ: умѣстно ли поручать защиту государства тѣмъ, кто явно, не скрывая, объявляетъ себя врагомъ этого государства? Умѣстно ли въ періодъ самаго страшнаго для народа испытанія, т. е. въ періодъ войны, вооружать своихъ непримиримыхъ враговъ?

Если комендантъ осажденной крѣпости, желая увеличить силы гарнизона, пригласить своего противника войти въ крѣпость и защищать ее, то подобнаго коменданта сочли бы, конечно, или измѣнникомъ, или ненормальнымъ. Между тѣмъ, государства призываютъ для своей защиты *своихъ явныхъ враговъ*, въ лицѣ тѣхъ, кои отрицаютъ и всемѣрно колеблютъ главныя основы бытія всякой націи: религію, націонализмъ, государственность и семью. И совершается это во имя отвлеченныхъ и нынѣ бесспорно устарѣвшихъ принциповъ всеобщей воинской повинности.

Коммунизмъ и социализмъ, съ ихъ проповѣдью интернаціонала, *пробили обширную брешь въ систему Шаригорста*, логическое совершенство которой основывалось исключительно на любви къ отечеству и народной гордости. *Люди, не признающіе отечества, не будутъ его и защищать.* Въ періодъ войны, они *будутъ искренно приветствовать любяя неудачи своей Родины* и направлять всѣ свои усилія къ вящему разгрому ненавистной имъ государственности.

И здоровый инстинктъ самосохраненія обязываетъ націю *охранять себя отъ своихъ внутреннихъ враговъ* и не давать имъ возможности службою подъ знаменемъ, съ оружіемъ въ рукахъ

вредить своей Родинѣ. Этотъ инстинктъ властно диктуетъ **необходимость коренного пересмотра нынѣ господствующей военной системы.**

Кромѣ элементовъ, открыто объявляющихъ себя врагами государства, имѣется не мало людей, принадлежащихъ къ категоріи «миролюбивыхъ мѣщанъ», кои по свойствамъ своей выщѣтней души, *не пригодны быть солдатами.* Ихъ психика, приниженная господствующимъ нынѣ раціоналистическимъ міровоззрѣніемъ, лишаетъ ихъ способности, хотя бы временно, хотя бы частично руководиться въ жизни возвышенными идеалами. Громадный процентъ плѣнныхъ въ минувшую войну въ арміяхъ всѣхъ государствъ, наглядно убѣждаетъ, что *число подобныхъ «мѣщанъ духа» зловѣще увеличилось.*

Если многими, въ ихъ стремленіи избавиться отъ войны, руководила злая воля или безпринципность, то надо признать, что было не мало людей, для которыхъ боевая обстановка являлась *органически непереносимой.*

Лебонъ убѣдительно свидѣтельствуетъ, что нервная система современнаго человѣчества, съ трудомъ выдерживаетъ напряженіе современнаго боя. Не считается съ этимъ невозможно. Нормально устроенное государство обладаетъ, конечно, многими возможностями *принудить* преступныхъ или малодушныхъ людей выполнять свой долгъ, однако, подобное принужденіе приводитъ, въ лучшемъ случаѣ, лишь къ *формальному* выполненію «священной обязанности» защищать свое отечество. т. е. къ Каппорето...

Болѣе цѣлесобразнымъ и удачнымъ разрѣшеніемъ вопроса явится та военная система, которая позволитъ использовать своихъ военно-обязанныхъ такъ, чтобы каждый получилъ возможность вывить свои знанія и способности въ дѣлѣ защиты Родины, внѣ зависимости отъ политическихъ исповѣданій и моральнаго уровня.

Современная война требуетъ соответствующей подготовки не только арміи, но и рѣшительно всѣхъ сторонъ жизни націи: психологической, финансовой, промышленной, сельско-хозяйственной и т. д. и т. д.

Если въ XIX столѣтіи разработка мобилизаціонныхъ плановъ являлась монополіей генеральныхъ штабовъ, то теперь, къ мобилизаціоннымъ вопросамъ привлекаются люди самыхъ мирныхъ профессій: ученые, финансисты, врачи, журналисты, инженеры и иныя, подобныя имъ, категоріи лицъ. Уже этотъ краткій перечень показываетъ, какъ усложнилось понятіе о войнѣ и веденіе ея. Въ XX вѣкѣ, армія является, хотя и первенствующимъ, но все же лишь *однимъ изъ элементовъ борьбы...*

Для будущей національной Россіи, вопросы ея военнаго строительства явятся вопросами ея бытія. Вопросъ о «качествѣ» и «количествѣ» нынѣ не является уже темой только ка-

бинетной. Уже теперь можно съ полнымъ основаніемъ утверждать, что экономическое положеніе возрожденной Россіи не позволить ей содержать прежнюю многомилліонную армію. Такимъ образомъ, назрѣть необходимость съ «малыми» силами надежно разрѣшать всѣ вопросы государственной обороны. А это возможно лишь въ томъ случаѣ, если въ основу созданія вооруженныхъ силъ будетъ положенъ принципъ «качества».

Современная военная система поддерживается ложной, давно уже жизненно поколебленной увѣренностью въ высокихъ, якобы, духовныхъ качествахъ «солдата-гражданина». Вредное заблужденіе, усвоенное еще со временъ великой французской революціи . . .

Современный бытъ, обуславливающий воспитаніе современныхъ гражданъ, создаетъ не воиновъ, а солдатъ Каппорето. Помнить это, — значитъ *предвидѣть*. Предвидѣніе же даръ, пѣнность котораго постигается лишь со временемъ. «Недостаточно зарегистрировать прошлый опытъ. Нужна еще творческая фантазія, чтобы *предугадать*, что ожидаетъ насъ въ будущемъ и что намъ нужно дѣлать, чтобы не отстать отъ современности». Такое воображеніе, какъ творческое начато, совершенно необходимо «прежде всего въ дѣлѣ войны, гдѣ неподготовленность карается морями даромъ пролитой крови», — писалъ въ своей замѣчательной книгѣ «Полчища» генераль А. Геруа. Авторъ «Полчищъ» особо серьезное вниманіе удѣляетъ борьбѣ классовыхъ исповѣданій въ арміяхъ вооруженныхъ народовъ и патологической природѣ большевизма и коммунизма. Съ рѣдкой убѣдительностью осмысливаетъ онъ горькій опытъ русскаго лихолѣтія и мудро предупреждаетъ о грозящей опасности.

Если мировое зло не можетъ быть быстро изжито, то надо находить возможности, дабы ослабить его поступательное торжество. *Современная военная система, основанная на всеобщей воинской повинности, лишь вводитъ въ армію это всеобщее зло.*

Минувшая великая война явила всѣ доказательства сильнѣйшаго упадка военнаго искусства. Всѣ воссавшіе народы стремились восполнять недостатки духа и качества — количествомъ и техникой. Въ послѣвоенный періодъ это увлеченіе приняло формы неудержимаго стремленія поставить матерію выше духа и современная военная мысль представляетъ армію какой-то гигантской фабрикой, гдѣ главная роль принадлежитъ машинамъ, а люди лишь обслуживаютъ эти машины. Въ сознаніе современныхъ «миролюбивыхъ мѣщаль» настойчиво виѣдряютъ мысль, что они могутъ воевать только машинами, а сами они ничто. «Человѣка» упразднили; но «человѣкъ» еще вернется и жестоко накажетъ тѣхъ, кто о немъ позабылъ. Было бы, конечно, не только легкомыслиемъ, но и преступленіемъ отрицать могущество современной техники. Нынѣ шапками не закидаешь! И все же, *человѣкъ былъ, есть и будетъ главнымъ факторомъ побѣдъ.*

Въ настоящее время наблюдается во всѣхъ арміяхъ міра опредѣленная тенденція къ сокращенію срока службы подъ знаменами. Принимая во вниманіе усиливающуюся сложность военного дѣла и малоцѣнные духовныя качества современныхъ «миролюбивыхъ мѣщанъ», проникнутыхъ духомъ самаго грубаго и примитивнаго матеріализма, надо признать, что въ теченіе 1—1½ года *невозможно создать солдата*. Можно лишь «натаскать» новобранца. Солдатомъ будетъ только тотъ, кого не только научили обращенію съ оружіемъ, но и *соответственно воспитали*. Для воспитанія же необходимы время и соответствующія условія военной жизни. Поэтому, первымъ и необходимымъ условіемъ новой военной системы является *увеличеніе срока службы подъ знаменами*.

Располагая обширными кадрами лицъ призывного возраста. Россія сможетъ получить, путемъ *тщательнаго отбора*, перво-классный людской матеріалъ. Столь совершенные, по своимъ духовнымъ и физическимъ качествамъ контингенты, пропущенные въ теченіе 4—5 лѣтъ черезъ поле и казарму, обратятся въ подлинныхъ солдатъ, способныхъ по завѣту Петра Великаго «съ малою кровію» рѣшать самыя сложныя заданія. Къ тому же, только такую «малую» армію сможетъ возрожденная, по разоренная страна снабдить должной техникой, находящейся на уровнѣ современныхъ требованій.

Освобожденіе отъ воинской повинности должно восполняться соответствующимъ военнымъ налогомъ, причемъ налоговая система должна предусматривать не только денежные взносы, но главное — трудовую повинность по своей основной, мирной спеціальности. Это послѣднее условіе явится лучшей подготовкой населенія къ тяготамъ военного времени, когда вся страна обращается въ грандіозный тылъ, обслуживающій нужды арміи и населенія.

Б. Штейфонъ.

ИДЕЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ НАУКИ*).

*Свѣтлой памяти профессоровъ Московскаго Университета
Сергѣя Михайловича Соловьева,
Бориса Николаевича Чичерина,
Владимира Ивановича Герье.*

Вдали отъ родины, въ чужой странѣ, въ состояніи изгнанничества, справляемъ мы сегодня нашъ русскій исконный академическій праздникъ, юбилейный праздникъ Московскаго Университета... И слышится въ сердцѣ нѣкій голосъ. напо-

*) Рѣчь, произнесенная 12 января 1930 года въ Берлинѣ, на сессіи въ честь 175-лѣтней годовщины со дня основанія Московскаго Университета.

минающей о томъ, что юбилей, празднуемый нами сегодня, есть юбилей не радостный, а скорбный; и что мы обязаны сказать себѣ самымъ скорбную и горькую правду: *не оградилъ мы Россію отъ бѣды и разгрома; не уберегли мы русскую Академію отъ порабощенія и поруганія*; свирѣпый врагъ владѣлъ нашей родиной: двѣнадцать лѣтъ тому назадъ онъ овладѣлъ ею и двѣнадцать лѣтъ тому назадъ русскіе ученые, вѣрные своему званію, стали или *мучениками*, или *изгнанниками* . . .

И когда выговариваешь про себя эту горькую правду, въ которой звучитъ, какъ нѣкій отдаленный раскатъ грома, *судъ исторіи* надъ тѣмъ, что было, и надъ тѣмъ, что совершается нынѣ, — сразу: и вопросъ, и отвѣтъ, и укоръ, и приговоръ, и поученіе, и призывъ; когда выговариваешь эту формулу скорби, страданія и стыда, въ коей сосредоточилось такъ много свиду безплоднаго, но героическаго (и потому никогда не безплоднаго) сопротивленія, — то неизмѣнно спрашиваешь себя: а развѣ могло быть иначе, развѣ могло быть такъ, что судьба исторической Россіи, создавшей русскую Академію, не станетъ судьбой русскихъ университетовъ и русской науки? что будетъ растлѣна и поругана, восплѣдъ за русской государственностью, вся русская національная культура, за исключеніемъ академій? что волна русскаго варварства и интернаціональнаго злодѣйства, поднявшись и затопивъ все, пощадитъ именно научную кафедру въ Россіи?

Этого не могло быть; и этого не случилось. Этого не могло быть уже потому, что *наука неотрывна отъ породившей ее національной культуры*: наука есть органическая сила народной жизни и исторіи, живое дыханіе народнаго духа; и, въ то же время, наука есть величайшая національно-воспитательная сила, которая именно для того излучилась изъ народной души и сосредоточилась въ особый очагъ, — очагъ мысли и знанія, — чтобы вернуть народу свою сосредоточенную и очищенную, а потому воспитывающую и облагораживающую силу. Академія, университетъ, высшая школа, и вмѣстѣ съ тѣмъ наука, научная мысль и научное преподаваніе — выростають отнюдь не внѣ времени и пространства, отнюдь не въ какой-то безвоздушной пустотѣ, ничѣмъ не обусловленной, кромѣ «природы вещей» и «логическихъ основаній». Такой академіи, такой науки исторія не знала. И правы мы, что празднуемъ сегодня не отвѣченную науку вообще, а *русскую науку, русскую академію, русскій Московскій Университетъ*, чувствуя учителей и учениковъ *русской науки*.

Не могло быть иначе, и не произошло иначе: кто порабощаетъ Россію, — тотъ порабощаетъ и русскую науку; и обратно: растлѣвающая и унижающая русскую науку, — растлѣваетъ и унижаетъ самое духовное тѣло національной Россіи. Онѣ неразрывны — Россія и русская Академія; неразрывны и въ расцвѣтѣ, и въ разгромѣ, и въ славѣ, и въ униженіи. И

не случайно, не условно, а вѣрно и подлинно это словосочетаніе: «русская наука» и «русская академія».

Знаю, что *научная истина*, если она истина, одна для всѣхъ, для всѣхъ временъ, народовъ и классовъ; и знаю также, что ученому подобаетъ желать и свойственно добиваться знанія именно этой *сверхнаціональной* и *общеобязательной* истины. Нелѣпа и противоестественна идея «классовой» или «національной» истины. Противоестественно и нелѣпо навязывать ученому въ видѣ заданія и цѣли что-нибудь иное, кромѣ истины единой и общеобязательной. Ученый, не воспитавшій въ себѣ такую волю — не ученый, а безответственный публицистъ и сѣятель соблазна. Ученый, торгующій своей волей и призваніемъ — есть іуда, рабъ и льстець. Знаю это все; знаю и исповѣдую.

И тѣмъ не менѣе, не отступаясь отъ этого знанія и исповѣданія, изъ полной души, умомъ и сердцемъ, произношу слова «*русская наука*»; съ гордостью думаю о *русской академіи*; съ любовью думаю о *русскихъ ученыхъ*. Ибо каждая великая національная культура имѣла и будетъ имѣть свою *національную* науку и Академію: она созидаетъ ее, бережно блюдя ея духовную свободу; она выращиваетъ ее вѣками, принося для нея жертвы; она пуждается въ ней для своего расцвѣта, нуждается и матеріально (технически, хозяйственно, врачебно, стратегически) и духовно (на *всѣхъ* путяхъ своего духовнаго творчества, самочувствія и самоопредѣленія). Нація, не имѣющая *своей* науки — первобытна и недоумѣнна въ своемъ бытіи: ея самочувствіе темно и растеряно; ея самосознаніе безпомощно молчить; ея духовность хаотична и проблематична; ея Слово томится, не рожденное во мракѣ страстей, въ подвалахъ ея инстинкта. И потому — въ смыслѣ духовнаго свѣта и прозрѣнія, въ утвержденіи власти духа надъ страстями и надъ матеріей, въ организаціи духовнаго космоса націи — *рожденіе науки и рожденіе Академіи есть подлинный праздникъ національнаго самоутвержденія, самонахожденія и самоосвобожденія*...

Итъ, не въ конечныхъ отвлеченныхъ *выводахъ* національна наука; въ нихъ она общечеловѣчна. И не въ конечной *цѣли* своихъ усилій націоналенъ ученый; въ нихъ онъ — общечеловѣчскій герой, завоеватель и вождь. И потому правы мы, когда научаемъ нашихъ дѣтей чтить Аристотеля и Галилея, Ньютона и Канта, какъ такихъ подвижниковъ и героевъ, которые, хотя и не нами выстраданы, но намъ даны и нами приняты, какъ даръ, какъ призывъ и обязательство. Но и не во внѣшней природѣ испытуемыхъ *вещей* національна наука; ибо эта матеріальная природа открыта каждому и дана всѣмъ. — Возьмемъ ли паденіе тѣла въ пространствѣ, или химическій составъ вещи, природу Тибета или новооткрываемую бактерію...

Но въ *живомъ источникѣ*, творящемъ познаніе и добывающемъ истину — наука національна; и въ осуществляемомъ *способѣ познанія*, въ укладѣ познающей души и въ строеніи познавательнаго акта — наука остается національною; и въ обращеніи къ тому народу, который породилъ ее, къ *его матери* и къ *его духу* (этнографія даннаго народа, его исторія, экономика, социологія, культура, правовѣдѣніе, этика, эстетика и вся философія его) — наука всегда была и всегда будетъ національною по преимуществу.

Такъ, во-первыхъ, наука національна по своему живому, творческому источнику. Геній каждаго народа вложилъ и вкладываетъ свое въ богатство общечеловѣческой научной добычи. Избитое выраженіе «національный вкладъ въ міровую науку» — полно глубокаго смысла: ибо каждый народъ, живя по своему, — на всѣхъ своихъ историческихъ путяхъ и во всѣхъ своихъ судьбахъ, — создаетъ свою единую *національную научную лабораторію*, возникающую изъ всей его національно-душевной сущности, въ связи съ его національною государственностью и его національнымъ хозяйствомъ. Пусть то, что уже открыто и познано — принадлежитъ всѣмъ, и въ дѣйствительности, рано или поздно, становится достояніемъ сверхнаціональнымъ. Но самое *открываніе* — испытываніе, изслѣдованіе, созерцаніе и познаваніе, — выстрадывается отдѣльными народами, созрѣваетъ въ ихъ національныхъ лабораторіяхъ. Такъ, мы отчетливо и твердо знаемъ, что именно внесли греки въ географію, исторію, политику, этику, логику и метафизику; вкладъ римлянъ въ юриспруденцію и исторіографію глубоко націоналенъ; глубоко націоналенъ вкладъ англичанъ въ индуктивную логику, въ естествознаніе и государственовѣдѣніе; кто вздумаетъ отрицать французскую историческую школу, французскую математику и химію, французскую невропатологію? кому не ясно глубокое своеобразіе германскаго генія въ философіи или юриспруденціи?

Каждый народъ выстрадываетъ и вынашиваетъ свою національную Академію и науку: рожденная изъ *его души*, въ *его судьбахъ*, она есть *его національное достояніе* — прежде всего, и до того, какъ она становится достояніемъ *общечеловѣческимъ*. Каждый народъ имѣетъ *свою науку*: онъ *правъ*, когда бережетъ ее и гордится ею, ибо она есть прежде всего — живое національное дыханіе его души и усиліе его разума.

Эта національность науки, быть можетъ, ни въ чемъ такъ не обнаруживается, во-вторыхъ, какъ именно въ самомъ *укладѣ познающей души*, въ вынашиваемомъ ею *способѣ познанія* (методъ!), въ строеніи познавательнаго акта.

Каждый народъ, — независимо отъ того, понялъ онъ это или не понялъ, дорожитъ онъ этимъ, или не дорожитъ, — имѣетъ свой особый укладъ души и духа, исторически и ирраціонально сложившійся у него, въ качествѣ живого итога

всѣхъ его судьбъ: тутъ и климатъ, и почва, и расовое скрещеніе, и войны, и религія, и учрежденія, и вліяніе другихъ народовъ, словомъ и небо, и земля — внесли свое и дали ему свое. И вслѣдствіе этого каждый народъ по свѣдѣму говорить и работаетъ, по своему молится и плачетъ, по своему подчиняется и бунтуется, по своему пляшетъ и поетъ, по своему мыслить, судится, сражается, строить, созерцаетъ и наслаждается. Смысль человѣческой жизни и исторіи — въ одухотвореніи человѣческаго инстинкта, въ творческомъ освященіи природной намъ животности. И вотъ, способы этого одухотворенія и освященія, и (еще проще, элементарнѣе) самые способы жизни и изживанія — *національно различны* у людей; настолько, что пути однихъ народовъ обычно чужды и *безплодны*, а иногда томительны и даже обременительны для другихъ народовъ.

Таковъ законъ исторіи, что *духовное созрѣваніе и плодотвореніе души національно*; и въ этой національности — *своеобразно*. Этому закону подлежитъ и наука: актъ мысли и познанія.

Каждая нація вкладываетъ въ свою науку свою душу во всемъ ея своеобразіи: подвижность или неподвижность своихъ чувствъ; ясность и зоркость, или наоборотъ, тяжеловѣсность и туманность своей мысли; яркость или блеклость своего воображенія; утонченность или элементарность своей интуиціи; упорство или неустойчивость своего характера; свое національно воспитанное или невоспитанное чувство ответственности — будь оно доведено до педантической осторожности или до легкомысленной безпечности; ширину или узость своего кругозора; свой національный юморъ, остроуміе, вкусъ, стиль, темпераментъ, способъ доказательства, приспособляемость, наблюдательность, изобрѣтательность. И вотъ, возникаетъ *научный методъ* и *научный актъ* особаго строенія, національной структуры; иногда очень различно представленный у ученыхъ одной и той же націи; и тѣмъ не менѣе родственно-похожей у ученыхъ одного народа; легче подмѣчаемый нами у иностранныхъ ученыхъ и нерѣдко неосознаваемый нами въ насъ самихъ. Достаточно указать въ видѣ примѣра — на уравновѣшенный и трезвый прозаизмъ англійской науки; на чеканную ясность, блескъ и чувство мѣры у галльскаго разума; на глубину и всеисчерпывающую добросовѣстность германской мысли; на вселенскій кругозоръ и непосредственную свободу, на гибкость, пластичность и темпераментность русскаго ума...

Итакъ, наука національна не только по своему *творческому источнику*, но и по своему *методу* и *акту*.

Но она національна, въ третьихъ, и тогда, когда порождающей ее народъ дѣлаетъ *предметомъ* своего изученія *себя самого* — свою природу, свою исторію, свою культуру и созданія, свой душевно-духовный опытъ и его предметныя содержанія

(вѣра, очевидность, совѣсть, вкусъ, правосознаніе). И, можетъ быть, изъ европейскихъ народовъ ни одинъ не испыталъ и не испытываетъ это съ такой силой, какъ мы, русскіе. Кѣмъ изслѣдованъ нашъ языкъ, наша грамматика, наша стилистика исторія нашей литературы? Кто изучалъ нашъ фольклоръ, нашу этнографію, нашу исторію, наше право? Кто создалъ нашу географію, орнитологію, ботанику, науку о нашемъ хозяйствѣ? Кто могъ и хотѣлъ постигнуть нашу вѣру, наше вѣдѣніе добра и зла, наше чувство права, наше художественное горѣніе и творчество? Кто совершилъ это и кто призвалъ это совершить — если не мы сами, русскіе? Ученые какого народа нашли въ себѣ достаточно духовной ширины и свободы, достаточно чуткости и пластической силы для того, чтобы почуять, уловить, изслѣдовать и познать своеобразие того научнаго предмета, который именуется «русскимъ народомъ», «русской исторіей», «русской духовной культурой»?

Съ тѣхъ поръ, какъ родилось русское самосознаніе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ родилась русская наука и русская Академія, — мы, русскіе, живемъ съ душой, открытой для всего міра, для всѣхъ народовъ, одолевая трудности ихъ языковъ, вчувствуясь въ своеобразие ихъ душъ и ихъ культуръ, изучая ихъ пути, сострадавая ихъ судьбамъ, радуясь ихъ геніямъ, преклоняясь передъ ихъ вождями, микроскопически изучая ихъ бытъ, ихъ право, хозяйство, культуру и искусство. Мы изучаемъ ихъ. Мы понимаемъ и знаемъ ихъ. А они насъ?

Мы для нихъ — какъ книга за семью печатями. Они не разумѣютъ нашего языка. Они не чувуютъ нашей души и нашего духа. Они не понимаютъ нашего уклада и нашей государственности. Они не разумѣютъ нашей судьбы и не помнятъ, чѣмъ они намъ обязаны. Они не видятъ нашей трагедіи и нашего предназначенія. И, если они когда нибудь начинаютъ изучать что нибудь русское, — то только для цѣлей своей *торговли* или своей *стратегіи*: не интересомъ человѣка и ученаго, а интересомъ комми-воляжера и завоевателя. Вотъ почему, когда мы, нынѣ временно изгнанные и разсѣянные, слышимъ ихъ сужденія о насъ (въ любой странѣ, гдѣ бы мы ни жили) — мы всегда чувствуемъ себя — то какъ взрослый передъ вбрызвъ и жкосе судящимъ недорослемъ, самодовольнымъ и пренебрежительно-развязнымъ, то какъ временно беззащитная жертва передъ мѣтко нацѣливающейся хищной птицей.

И такъ будетъ, можетъ быть, еще долго, — пока они не привыкнутъ изучать русскій языкъ; пока они не перестанутъ мечтать объ ослабленіи, раздѣлѣ и колонизаціи нашей страны; пока мы не научимъ ихъ тому, что Россія есть великій національный субъектъ, а не соблазнительный объектъ для военнаго и торговаго нашествія: пока величіе русскаго духа и русской культуры, пока сила русскаго характера не внушить имъ настоящаго, неподдѣльнаго уваженія къ нашей Россіи!..

А до тѣхъ поръ русская наука будетъ, какъ никакая другая, — *національной* и по своему предмету.

Но и тогда, когда это время наступитъ, оно не измѣнитъ существа дѣла. А существо дѣла состоитъ въ томъ, что русская наука, какъ была, такъ и останется — *органомъ русскаго духовнаго самосознанія и русскаго матеріальнаго самоизученія*. Культурно немощенъ и духовно безпомощенъ тотъ народъ, который не сумѣлъ изучить данную ему отъ Бога *природу*, для того, чтобы творчески овладѣть ею, подчинить ее себѣ и превратить ее въ свой благоустроенный домъ и въ безопасную колыбель для своего потомства; который не создалъ самъ *историческую науку о самомъ себѣ*; который не сумѣлъ изучить свое прошлое, увидѣть единственный въ своемъ родѣ (идіографическій) законъ своего бытія, ритмъ своей исторіи, не сумѣлъ *достигнуть свою судьбу, чтобы овладѣть ею*. Такой народъ не достигъ еще духовной зрѣлости...

И вотъ, сто семьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ былъ заложенъ фундаментъ, было положено начало нашего созрѣванія, когда гений Ломоносова замыслилъ и создалъ Московскій Университетъ; и сто лѣтъ тому назадъ аттестатъ нашей зрѣлости вручили намъ Карамзинъ и Пушкинъ. —

Но мало сказать, что наука и Академія національны — по источнику, по методу и акту и по предмету національнаго самопознанія: рожденные націей, онѣ становятся ея *духовнымъ органомъ*, необходимымъ и священнымъ; онѣ образуютъ *очагъ національной мысли и алтарь національнаго разума*.

Признаемъ это и, прежде всего, утвердимъ и исповѣдуемъ въ день нашего русскаго академическаго юбилея — *свободу, силу и благодатность человѣческаго разума!*

Я говорю о разумѣ, а не о разсудкѣ *); не о богопскинутомъ и деморализованномъ разсудкѣ, который нынѣ справляетъ свое буйное дѣйство въ храмахъ и академіяхъ порабощенной Россіи; не о разсудкѣ, для котораго все просто, плоско и пошло; который не видитъ Бога, не чтитъ духа, отрицаетъ тайну и традицію, отрекается отъ семьи и родины, и насилуетъ чувство отвѣтственности. Я не о немъ говорю, ибо онъ не свободенъ, не силенъ и не благодатенъ. — ни тогда, когда онъ пассивно-наивенъ; ни тогда, когда онъ осозналъ себя и перешелъ въ нападеніе. То, что онъ насаждастъ — не живое познаніе, а механическая схема, мертвый штампъ; и присутъ онъ не свободному человѣку, а тому духовному рабу, о коемъ Аристотель сказалъ, что онъ чужое «понимаетъ», а своего «не изгѣтъ...» Этотъ разсудокъ прежде всего глушь, ибо онъ не знаетъ своихъ жалкихъ предѣловъ и не видитъ своего без-

*) См. статью «Идея обновленнаго разума», въ № 5 «Русскаго Колокола».

силія; и насажденіе его дѣлаетъ людей самодовольными въ ихъ глупости и слѣпыми на путяхъ гибели.

Я говорю о *разумѣ*, способномъ непредвзято и открытою душою *испытывать предметъ*; способномъ *видѣть* и потому видящемъ и свои предѣлы и начало тайны въ предметѣ; о разумѣ, несущемъ въ себѣ чувство *благоговѣнія и ответственности*, и *благодаря этому* свободномъ и сильномъ... Ибо, по истинѣ, *только ответственность даетъ свободу и только свобода даетъ силу!*

Я говорю о разумѣ, какъ *божественномъ* началѣ въ человѣкѣ... Ибо прошли и никогда не вернуться тѣ времена, когда люди считали разумъ началомъ дьявольскимъ. Эти времена не вернуться никогда, сколько бы безответственное пустословіе ни предсказывало наступленіе «новаго средневѣковья» и сколько бы фанатическое мракобѣсіе ни тянуло къ нему. Я говорю о разумѣ, проникающемъ къ мудрости сердца, питающемся духовною очевидностью и несомомъ недвоящею волею. И потому вослѣдъ Пушкину я вѣрю, что разумъ въ человѣкѣ есть дѣйствительно «солнце святое» и «безсмертное»; и знаю, что на фронтонѣ нашей Московской Академіи будетъ однажды возстановлена мудрая и благая надпись «Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ...»

Такъ, Университетъ и Академія есть очагъ національной мысли и алтарь національнаго разума — школа *національной интеллигентности*. Истинная интеллигентность опредѣляется не начитанностью, не свѣдѣніями и не умѣніями. Она опредѣляется творческой силой души въ *испытаніи*, въ *наблюденіи* и *созерцаніи*, въ *выдѣленіи существеннаго* и въ *постиженіи той индивидуальной закономерности*, которая *владеетъ каждымъ предметомъ*. Университетъ вообще призванъ не къ тому, чтобы давать свѣдѣнія или проверять память людей: но къ тому, чтобы учить самостоятельно и непредвзято познавать. Мы чтимъ Академію и ея преподаваніе, не какъ школу памяти и мертвыхъ схемъ, а какъ школу *живого метода*. И ученый преподаватель стоитъ на высотѣ только тогда, когда онъ научаетъ своего ученика *становиться самому лицомъ къ лицу съ предметомъ и самостоятельно уходитъ въ его испытаніе, увидѣніе и описаніе*. Академія обращается не къ памяти, а къ разуму; не къ слѣпому довѣрію, а къ самодѣятельности. Она учитъ не воспроизведенію формулъ, а самостоятельному добыванію; не дедукціи, коей увлекаются всѣ полуобразованные, а индукціи, обрѣтенію, діагнозу. Ей нужна не слабость сужденія, а сила сужденія. Она призвана къ тому, чтобы воспитывать разумъ, т. е. *силу личнаго характера въ предметномъ мышленіи*.

Вотъ почему Академія есть одинъ изъ центровъ *національнаго воспитанія*, ибо она учитъ разумъ чловѣка самостоятельности и самодѣятельности, и дѣлаетъ это въ традиціяхъ національно выношеннаго научнаго метода.

И все это — въ духѣ *отвѣтственности и свободы*. *Не можетъ быть науки безъ свободы*: ибо рабъ, лишенный свободы, понимаетъ только чужія мысли, а своихъ воззрѣній и убѣжденій не имѣетъ. Мы не теперь познали это впервые: это традиція древняя и священная. Но, какъ никогда ранѣе, мы исповѣдуемъ эту традицію нынѣ, въ эпоху, когда люди съ рабскими душами возстали для того, чтобы надѣть рабское ярмо на русскую науку. Горе тѣмъ, кто изъ другихъ странъ не видитъ этого и не хочетъ понять, что та же судьба ждетъ и ихъ: они сами скоро почувствуютъ на своей шеѣ позоръ и бремя этого налагаемаго рабами рабскаго ярма!..

Но не эту только традицію — традицію академической свободы, утверждаемъ мы нынѣ, а еще другую, не менѣе священную, но болѣе глубокую и столь часто забываемую традицію: *не можетъ быть науки безъ отвѣтственности*. Свобода подобаетъ только тому и причитается только тому, кто чувствуетъ и сознаетъ отвѣтственность жизни, науки и академическаго преподаванія. Ученый, лишенный этого чувства; преподаватель, не воспитавшій въ себѣ отвѣтственности передъ Богомъ, передъ своею совѣстью, передъ родиной и передъ людьми — есть явленіе извращенное и отвратительное. Онъ не учитель и не воспитатель, а растлитель воли и соблазнитель мысли; свобода преподаванія имъ не заслужена и не оправдана; и писана не для него.

Хочетъ ученый этого или не хочетъ, знаетъ онъ это или не знаетъ, — онъ есть воспитатель своего народа, его разума, его силы сужденія, его характера, а потому отвѣтственный строитель *всей* его культуры; *всей*, — ибо духъ безъ разума скуденъ, темень и подверженъ всѣмъ соблазнамъ. И религія безъ разума (безъ Логоса!) — есть лишь темная страсть и одержимость, неистовое пустосвятство или хлыстовскій оргіазмъ. А искусство безъ разума (безъ Предмета и Формы!) — есть лишь возстаніе хаоса, пошлое самоуслажденіе и совращающая демагогія. Нельзя національной духовной культурѣ быть безъ разума, ибо разумъ есть начало *очистительное* и *светоносное*.

Вѣруя такъ и исповѣдая такъ, я праздную сегодняшній день, какъ праздникъ *русскаго разума*, русскаго *отвѣтственного* и *свободнаго разума*, воспитывающія традиціи котораго мы восприняли отъ нашихъ славныхъ, любимыхъ и чтимыхъ учителей, для того, чтобы передать ихъ новымъ поколѣніямъ Россіи. Но вѣрить въ русскій отвѣтственный и свободный разумъ — значитъ вѣрить въ его *силу* и въ его жизненную побѣду! И эта побѣда придетъ — по *спѣтъ* нашей и по *воль* нашей.

«Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!»

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВЫ СТРОИТЕЛЬСТВА БУДУЩЕЙ РУССКОЙ АРМІИ.

II.

Духъ преобладаетъ надъ матеріей. —

Это, конечно, не значить, что матеріальная сторона не имѣеть никакого значенія и можетъ быть оставлена въ пре-
небреженіи.

Представляя собою факторъ, усиливающій качество арміи; давая средства, облегчающія борьбу съ противникомъ; уравнивая до нѣкоторой степени шансы съ нимъ; увеличивая возможности сломить его сопротивленіе, *матеріальная сторона* тоже имѣеть *громадное значеніе*.

Вслѣдствіе этого необходимо стремиться къ тому, что бы всѣ элементы *матеріальной* стороны были бы наиболѣе *совершенными* и вполнѣ отвѣчали бы требованіямъ *современныхъ условий войны*.

Это тѣмъ болѣе необходимо, что превосходство въ этомъ отношеніи противника *угнетающе* дѣйствуетъ на психику и на духъ арміи и потому сильно *понижаетъ* духовную сторону, нравственный элементъ.

Напротивъ того, сознаніе нашего превосходства надъ противникомъ во всѣхъ частностяхъ матеріальной стороны дѣйствуетъ на психику и духъ арміи *возбуждающе* и потому чрезвычайно *повышаетъ* нравственный элементъ.

Все это необходимо имѣть въ виду при установленіи *основъ воспитанія и образованія* отдѣльнаго бойца и цѣлыхъ войсковыхъ частей. *программы плана, системы и методовъ ихъ*, принимая во вниманіе первенствующее значеніе *воспитанія*, взаимную связь между воспитаніемъ и образованіемъ, послѣдовательность того и другого и *практическія цѣли*, преслѣдуемая обоими.

Высшимъ выразителемъ *матеріальной* стороны является *оружіе*, которое въ послѣднее время въ большинствѣ случаевъ имѣеть характеръ *машины*, чрезвычайно по роду и виду разнообразной, обладаетъ страшной разрушительной силой. даетъ возможность въ короткій промежутокъ времени выводить изъ строя навсегда или на болѣе или менѣе продолжительный срокъ громадное количество людей. Въ общемъ современное оружіе весьма могущественно, но чрезвычайно сложно по своему устройству и требуетъ продолжительной и серьезной спеціальной подготовки для продуктивнаго пользованія имъ.

Источникомъ, сосредоточіемъ и проявителемъ *нравственной* стороны является *человѣкъ* со всѣми его физическими и духовными, положительными и отрицательными свойствами.

Разъ это такъ, то исходя изъ того, что духовная сторона нравственный элементъ имѣеть большее значеніе, чѣмъ элементъ матеріальный, необходимо признать, что *человѣкъ* на войнѣ *главенствуетъ* надъ какимъ бы то ни было оружіемъ, ему принадлежитъ важнѣйшее значеніе, онъ *первенствуетъ* надъ *машиной*.

Однако, свойства современнаго оружія — машинъ на столько могущественны, что сопротивляться обладающему ими, казалось бы совершенно невозможно ни при какомъ характерѣ боевыхъ дѣйствій, ни при какой обстановкѣ.

Несомнѣнно, что всякое оружіе, и чѣмъ совершеннѣе тѣмъ больше, благодаря своимъ свойствамъ, въ рукахъ борющихся людей можетъ въ значительной степени *облегчить нападеніе и усилить сопротивленіе* и при томъ на столько, что въ обонхъ случаяхъ, вслѣдствіе именно его наличія, будетъ сломлено противодѣйствіе врага. Но во 1-хъ, по своей природѣ оружіе можетъ только усиливать и облегчать дѣйствія *человѣка*, само же оно, какъ бы совершенно и автоматично ни было, *дѣйствовать не можетъ*, а во 2-хъ, оно въ состояніи проявлять эти свои свойства въ полной мѣрѣ только тогда, когда въ боевыхъ дѣйствіяхъ, угрожающихъ смертью и угнетающе вліяющихъ на умъ и волю, воины *не теряютъ способность подавить въ себѣ чувство самосохраненія и сохранятъ сильный духъ и ясность сознанія*.

Если же этого не будетъ, то никакая машина имъ *не поможетъ* и прежде всего потому, что они не въ состояніи будутъ ею управлять, ее использовать, и она будетъ *бездѣйствовать*.

Такимъ образомъ, оружіе (машины) приобрѣтають значеніе только въ войскахъ, обладающихъ *высокими нравственными качествами*. Напротивъ, того, въ войскахъ, у которыхъ *духъ слабъ*, оружіе - машины не только не дадутъ положительныхъ результатовъ, но могутъ послужить лишь *легкими трофеями* для противника и привести даже къ *катастрофѣ*. Это потому именно, что нравственно слабыя войска болѣе возлагають надеждъ на машины, *а не на себя*; и когда, вслѣдствіе слабости ихъ духа, машины перестаютъ производить ожидаемый отъ нихъ эффектъ, то они обычно *бросаютъ ихъ и поддаются паникѣ*.

Такое положительное и отрицательное вліяніе оружія-машинъ, а значить и ихъ значеніе можетъ сказаться или въ различныхъ частяхъ арміи, въ зависимости отъ разной высоты ихъ духовнаго элемента, или въ одной и той же части, когда онъ подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ измѣняетъ свое нравственное состояніе.

Исторія даетъ этому массу примѣровъ.

Поэтому съ одной стороны нельзя смотрѣть на оружіе-машину, какъ на нѣкую незыблемо-прочную и первичную основу, которая при всѣхъ обстоятельствахъ можетъ *обезпечить* всегда *боевой успѣхъ*, а съ другой стороны обязательно должно принимать всѣ мѣры къ тому, что бы непремѣнный участникъ боевыхъ дѣйствій, которая безъ него не могутъ быть осуществлены, — *человѣкъ* былъ бы всегда на высотѣ съ точки зрѣнія *силы его духа*, въ самомъ широкомъ пониманіи этого слова.

Въ общемъ, въ боевыхъ дѣйствіяхъ первенствующее значеніе принадлежитъ *человѣку*, а не *машинѣ (оружію)*, какъ бы она ни была могущественна и совершенна.

Справедливы поэтому слова знаменитаго военнаго ученаго генерала Генриха Антоновича Леера, который говорилъ, что *главнѣйшимъ орудіемъ на войнѣ является человѣкъ*.

Эти выводы и необходимо не упускать изъ виду при *организации арміи*, при *снаряженіи и вооруженіи*, какъ отдѣльнаго война такъ и цѣлыхъ войсковыхъ частей. Ихъ также нужно имѣть въ виду при установленіи *способовъ боевыхъ дѣйствій при всякихъ случаяхъ* и при разной обстановкѣ.

Среди *личнаго состава* Арміи, составляющаго ея важнѣйшую часть, имѣющаго первенствующее значеніе и являющагося главнымъ орудіемъ войны, нужно выдѣлить тѣхъ лицъ, которые во всѣхъ отношеніяхъ являются *руководителями войскъ*, начиная отъ самыхъ мелкихъ до самыхъ крупныхъ войсковыхъ соединеній. Лица эти — *начальники всѣхъ степеней*.

Значеніе начальствующихъ лицъ громадно, такъ какъ они обучаютъ и воспитываютъ войска, направляютъ и слѣдятъ за ихъ боевой подготовкой въ широкомъ смыслѣ слова, а во время боевыхъ дѣйствій составляютъ ихъ планы и приводятъ ихъ въ исполненіе, пользуясь для этого подчиненными войсками, какъ средствомъ, какъ орудіемъ достиженія тѣхъ или иныхъ боевыхъ задачъ.

Чѣмъ многочисленнѣе войсковая масса, которая подчиняется начальнику, тѣмъ и значеніе его *больше*, ибо тѣмъ боевая задача, возлагаемая на него *значительнѣе*, тѣмъ ихъ достиженіе или невыполненіе *сильнѣе* отражается на общемъ ходѣ войны и вліяетъ на конечный ея результатъ.

Съ другой стороны, чѣмъ *крупнѣе* съ этой точки зрѣнія начальникъ, чѣмъ по своему положенію онъ выше, тѣмъ выполнение его специальныхъ обязанностей *труднѣе*. Эта трудность преодолевается только соотвѣтствующей всесторонней *подготовкой*.

Таковыми крупными начальниками должны почитаться всѣ, начиная съ тѣхъ, которые по основной организациіи еще мирнаго времени находятся во главѣ первыхъ войсковыхъ соединеній, имѣющихъ въ своемъ составѣ *нѣсколько родовъ войскъ*. Эти

войсковыя соединенія обычно обладают *значительной численностью и всеми средствами* для рѣшенія самостоятельныхъ боевыхъ задачъ на полѣ сраженія, то или иное выполнение которыхъ отражается на ходѣ и результатѣ всего сраженія.

Такихъ начальниковъ логично и справедливо называть *генералами*.

Въ зависимости отъ той роли, которая выпадаетъ на долю генерала, какъ въ мирное время, такъ и особенно во время войны, его специальная подготовка должна обнимать и *умственную и волевую* стороны.

Онъ долженъ обладать обширными и всесторонними, твердо усвоенными *знаніями военного дѣла*; онъ долженъ отлично *понимать военное искусство*, какъ въ его идейной, принципиальной части, такъ и технической; онъ долженъ *обладать широкимъ взглядомъ* (большимъ кругозоромъ) въ своей специальности и вообще быть въ полной мѣрѣ *просвѣщеннымъ* въ ней.

Все это даетъ ему *прочный базисъ для работы и уверенность въ себя*. А еще Суворовъ говорилъ, что «на себя надежда — основаніе храбрости».

Генераль долженъ имѣть *твердую волю и сильный характеръ*, и какъ производныя отъ этихъ данныхъ: *спокойствіе, хладнокровіе, присутствіе духа, способность не теряться* ни при какихъ обстоятельствахъ. *не суетиться и не суетить другихъ*.

Ему необходимо обладать *рѣшимостью* принять рѣшеніе и *рѣшительностью* его выполнить, довести его до конца; ему должна быть присуща широкая, но разумная въ предѣлахъ его компетенціи, *активная и пассивная инициатива*, т. е. онъ долженъ уметь *проявлять* инициативу самъ и въ тоже время — что, пожалуй, труднѣе — *давать право и возможность* проявлять ее своимъ подчиненнымъ.

Генераль долженъ имѣть *гражданское мужество и не бояться* ни юридической, ни нравственной *ответственности*.

Возможность *большихъ потерь* не должна *останавливать* генерала въ *принятіи рѣшенія* важнаго для общаго дѣла и въ *приведеніи* этого рѣшенія въ *исполненіе* съ возможно большею энергіей, ибо онъ долженъ помнить, что его колебанія въ принятіи рѣшенія и его вялость въ исполненіи въ концѣ концовъ *потребуютъ* гораздо больше *усилій и приведутъ* къ гораздо большимъ *жертвамъ и потерямъ*.

Однако, во всѣхъ случаяхъ и при всѣхъ обстоятельствахъ генераль *долженъ стремиться* къ тому, что бы *достигать успѣха «съ легкимъ трудомъ и малою кровью»*.

Генераль долженъ *умѣть* въ минуту тяжелыхъ физическихъ и моральныхъ испытаній подчиненныхъ ему войскъ *горячимъ словомъ, сильною рѣчью, наконецъ, личнымъ примѣромъ* поднять ихъ духъ и возбудить въ нихъ энергію.

Наконецъ, генераль *обязанъ* *выказывать наибольшую заботу* о подчиненныхъ ему войскахъ во всѣхъ отношеніяхъ, однако, при полномъ отсутствіи *сентиментальности*.

Таковы требованія отъ генерала.

Онъ сможетъ выполнить ихъ, если на свою службу, на свои обязанности онъ будетъ смотрѣть, какъ на *великое служеніе Родины*, если онъ будетъ всецѣло *преданъ своему дѣлу*, если онъ будетъ относиться къ нему *съ любовью*.

Ему эти требованія выполнить будетъ *легче*, если онъ будетъ *воиномъ по призванію*, если онъ будетъ *даровитъ*, обладать *талантливостью*, если въ немъ будетъ заложена *способность къ творчеству*.

Какъ бы однако ни благопріятствовали выполнецію этихъ требованій врожденныя качества человѣка, но все же достигнуть наибольшаго совершенства въ этомъ отношеніи можно лишь при *надлежащей постановкѣ соответствующаго образованія и воспитанія* лицъ, готовящихся быть начальниками, начиная со школьной скамьи и затѣмъ въ продолженіе всей дальнѣйшей службы.

Для такой же постановки воспитанія и образованія необходима *благопріятная* для этого *военная система*, обеспечивающая *справедливое и постепенное*, въ зависимости отъ опыта, знанія и таланта, *возвышеніе* начальствующихъ лицъ, и создающая атмосферу, способствующую развитію въ каждомъ начальникѣ требуемыхъ отъ него качествъ.

Но и этого всего будетъ мало, если каждый начальникъ и генералы въ особенности, помня постоянное развитіе военнаго дѣла, не будутъ стремиться *путемъ самообразованія и самовоспитанія* къ возможно большому *совершенствованію* въ себѣ необходимыхъ имъ *качествъ*, что бы стоять всегда *на высотѣ* своего назначенія.

Начальники всѣхъ степеней, до самыхъ высшихъ включительно, должны всегда помнить, что *учиться не только никогда не поздно, но нужно всегда, непрерывно и усердно*.

Каковы бы ни были основы формированія арміи, будетъ ли она комплектоваться по принципу общеобязательной воинской повинности или составляться изъ профессионаловъ, служащихъ по найму, она во всякомъ случаѣ будетъ состоять въ подавляющемъ числѣ изъ лицъ *господствующей національности* даннаго государства. Это одинаково относится, какъ къ солдатской массѣ, такъ и къ начальникамъ всѣхъ степеней. И съ этой точки зрѣнія армія въ наше время не можетъ быть *ненаціональной*. А такъ какъ армія есть важнѣйшее средство военнаго искусства, то, такимъ образомъ, *національный элементъ*, несомнѣнно, долженъ играть въ немъ опредѣленную роль, хотя бы чисто виѣшнюю, разумѣя подъ этимъ бытовую сторону и нѣкоторые жизненные и профессиональные навыки.

Но вліяніе національной стихіи на военное искусство не ограничивается только этимъ. Оно болѣе *существенно и глубоко*.

Военное искусство, какъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, обнимающемъ собственно боевыя дѣйствія, такъ и въ болѣе широкомъ, включающемъ все вопросы, связанныя съ военнымъ дѣломъ, подобно всякому другому искусству, есть *результатъ дѣятельности духовныхъ силъ челоѣка*.

Характеръ этихъ силъ зависитъ въ значительной степени отъ *національных особенностей* даннаго народа, сложившихся подъ вліяніемъ условій: *географическихъ, этнографическихъ, биологическихъ и историческихъ*, при которыхъ данный народъ образовывался, развивался и долгое время существовалъ. а также отъ той *обстановки*, въ которой онъ живетъ въ настоящее время, и которая зависитъ: *отъ степени и характера культуры, силы и направленія просвѣщенія, политическаго устройства и т. д.*, обстановки, *отличной* отъ той, въ которой живутъ *другіе народы* и потому тоже долженствующей быть названной *національной*.

Такимъ образомъ, нужно признать, что военное искусство, какъ, впрочемъ, и все другія, *національно*.

Каждое искусство достигаетъ *наивысшаго своего совершенства*, когда его источникъ — духовныя силы челоѣка — проявляетъ себя *наиболѣе напряженно*. Такого наивысшаго напряженія духовныхъ силъ можно достигнуть тогда, когда они дѣйствуютъ *совершенно свободно, въ полномъ согласіи съ интеллектуальной и психической организаціей челоѣка* и вообще въ условіяхъ *наиболѣе* для этого благоприятныхъ.

То и другое можетъ быть лишь тогда, когда проявленіе духовныхъ силъ происходитъ подъ вліяніемъ *національной стихіи*.

Если это относится вообще ко всемъ искусствамъ, то тѣмъ болѣе должно признать это въ отношеніи *военнаго искусства*. Это потому, что работа въ области военнаго искусства происходитъ при обстановкѣ, требующей *наибольшаго напряженія ума и воли* и прочихъ духовныхъ силъ челоѣка.

Такимъ образомъ, что бы въ военномъ искусствѣ достигнуть *наибольшихъ результатовъ*, поставить его на *наибольшую высоту*, сдѣлать его *наиболѣе совершеннымъ*, необходимо творить въ немъ, *не отрываясь отъ національной основы*, необходимо сохранять его *національный характеръ*.

Исторія вообще и наша отечественная въ частности наглядно свидѣтельствуетъ объ этомъ.

У насъ военное искусство достигало наивысшаго состоянія въ эпоху Петра Великаго и въ вѣкъ Екатерины II, когда оба эти Государя во всемъ проводили *національную точку зрѣнія*, когда военное искусство было *вполнѣ національнымъ* и когда

у насъ появились великіе, проникнутые *національнымъ духомъ* полководцы — Петръ Великій, Румянцевъ и Суворовъ.

Утвержденіе, что военное искусство *національно*, и что развитіе его должно идти въ *національномъ духъ*, сохраняя его *національный характеръ*, не можетъ быть поколеблено тѣми двумя истинами, въ силу которыхъ военное искусство, гдѣ бы оно ни культивировалось и ни проявлялось, всегда опирается *на одни и тѣ же принципы*, вытекающіе изъ его природы и что одно изъ главнѣйшихъ средствъ военного искусства — *оружіе*, вслѣдствіе идейнаго и техническаго общенія между собою всѣхъ народовъ и государствъ, нынѣ въ различныхъ арміяхъ *почти одно и то же*.

Принципы военного искусства, очевидно, одинаковы для всѣхъ національностей. Но вслѣдствіе различнаго характера *мышленія* у разныхъ національностей и различнаго по силѣ и характеру проявленія однихъ и тѣхъ же *эмоцій*, эти *одинаковые принципы* воспринимаются *не совсѣмъ одинаково*, взаимно расцѣпываются *иначе* и примѣняются *различно*. Одна національность примѣняетъ принципы слишкомъ *прямолинейно и узко*, другая обращается съ ними болѣе *глубоко* и смотритъ на нихъ шире.

Точно также и *оружіе* въ своей сущности въ современныхъ арміяхъ *одно и то же*, но во 1-хъ, *достиженія* въ его совершенствѣ у разныхъ государствъ *различны*, во 2-хъ, въ виду различія въ *національной обстановкѣ* оно должно быть *приспособлено* къ ней и въ 3-хъ *пріемы и способы исползованія* даже совершенно такого же оружія въ зависимости отъ свойствъ ума и психики владѣющихъ оружіемъ, а также условій, въ которыхъ имъ пользуются, могутъ быть *различны* въ той или иной обстановкѣ.

Такимъ образомъ, лишь не пренебрегая *національными особенностями* въ военномъ искусствѣ можно достигнуть наилучшаго исползованія и *одинаковыхъ принциповъ* и *одинакового* по существу оружія.

Сохраненіе *національныхъ особенностей* въ военномъ искусствѣ также не можетъ повредить ему и въ томъ случаѣ, если бы у другихъ появились въ этой области и *новыя идеи* и *новыя техническія достиженія*.

Ибо *новыя идеи* въ настоящее время могутъ относиться только къ *иному пониманію* и *толкованію* принциповъ и къ новому поэтому ихъ *примѣненію*, а также къ *созданію* новыхъ или къ *усовершенствованію* старыхъ техническихъ средствъ. Что касается новыхъ *техническихъ достиженій*, то результатомъ ихъ можетъ быть или оружіе совершенно *новаго типа* или усовершенствованіе въ оружіи *старого типа*, а также новые *способы* его *исползованія* и *примѣненія*.

Естественно, что проходить мимо того и другого не представляется возможнымъ.

Во 1-хъ. мы должны хорошо знать своихъ *вѣроятныхъ противниковъ*, дабы создать соотвѣтствующія средства и способы борьбы съ ними, а также своихъ *возможныхъ союзниковъ* для того, чтобы быть освѣдомленными, на что мы можемъ у нихъ рассчитывать, а во 2-хъ то и другое въ той или иной мѣрѣ можетъ быть *использовано и нами*.

Однако, ни въ идеяхъ, ни въ техническихъ достиженіяхъ не будетъ полезно *заимствовать все безоговорочно и цѣликомъ*, потому что какъ бы они ни были совершенны и даже, такъ сказать, интернаціональны, все же при переносѣ ихъ на почву *другой національности* они не въ состояніи будутъ *дать того эффекта*, который они производятъ на родной почвѣ, на той почвѣ, на которой они возникли.

Заимствуя что-либо изъ области военнаго искусства, какъ въ его идейной, такъ и технической частяхъ, необходимо заимствованное *приспособить къ національной обстановкѣ, переработать въ національномъ духѣ, придать ему національный характеръ, пронизать его національными особенностями, согласовать съ національными условіями*. Только при такихъ условіяхъ заимствованное дастъ при его использовании желаемый результатъ. Въ противномъ случаѣ оно *не привьется, не войдетъ въ плоть и кровь, останется чуждымъ* и, даже при наибольшихъ усиліяхъ извлечь изъ него хотя какую-нибудь пользу, *не дастъ желаемыхъ результатовъ*.

При всемъ томъ должно помнить, что дарованія *нашего народа*, сила его умственныхъ способностей, его большія творческія возможности, его всесторонняя талантливость его высокія качества, вообще вся его высокая духовная организація, его историческій опытъ, его обширная многовѣковая и многообразная практика въ военномъ дѣлѣ не должна допускать мысли, что мы русскіе въ самостоятельномъ развитіи военнаго искусства во всѣхъ его областяхъ можемъ *оказаться позади* другихъ національностей, можемъ *проявить меньше творчества*. Чѣмъ они, и, такимъ образомъ, можемъ быть поставлены въ необходимость только *заимствовать у другихъ, слѣпо подражать* этимъ другимъ и тѣмъ самымъ *отказываться отъ своей самобытности*.

Дѣйствія Петра Великаго въ этомъ отношеніи могутъ служить намъ поучительнымъ примѣромъ.

Поставленный въ необходимость весьма много заимствовать въ области военнаго искусства у иностранцевъ, Петръ все заимствованное переработалъ въ горнилѣ націонализма, и потому въ результатѣ проявилъ такое самостоятельное и самобытное творчество, проникнутое національнымъ духомъ и соотвѣтствующее національнымъ особенностямъ русскаго народа, что въ военномъ искусствѣ опередилъ свое время болѣе, чѣмъ на столѣтъ, давъ возможность появиться у насъ такимъ великимъ полководцамъ, какъ Румянцевъ и Суворовъ.

Итакъ: 1) *знаніе и уваженіе въ смыслѣ слѣдованія, примѣненія принциповъ*, 2) *преимущественное значеніе качества передъ количествомъ*, 3) *важность духовной стороны по сравненію съ матеріальной*, 4) *первенствующее значеніе чловѣка, а не машинъ*, 5) *превосходная всесторонняя подготовка начальниковъ* и 6) *необходимость слѣдованія національнымъ путемъ* — таковы тѣ *первичныя основныя положенія*, при наличіи которыхъ только и можетъ естественно, самобытно и совершенно развиваться военное искусство.

А разъ это такъ, то эти же положенія, какъ *первично-основныя*, должны быть приняты, какъ *безусловно обязательныя* при строительствѣ будущей русской арміи, дабы она была во всеоружіи для той борьбы, которую ей *придется несомнѣнно вести* за существованіе, честь, достоинство и лучшее будущее Великой Национальной Россіи.

А. Баювъ.

ЗАМѢТКИ О РУССКОМЪ СУДѢ по судебнымъ уставамъ Императора Александра II.

Творцы судебныхъ уставовъ насадили у насъ иностранныя судебныя порядки, въ которые внесли, однако, отдѣльныя, вызванныя особенностями нашихъ условій, измѣненія. Русскій судъ — наиболѣе чужеземное по своимъ формамъ изъ нашихъ государственныхъ учреждений. А между тѣмъ, именно въ русскомъ судѣ русскій духъ напелъ себѣ наиболѣе яркое выраженіе.

Объясненіе этого парадокса — въ самой природѣ правосудія. Судъ — не только техническій аппаратъ, приспособленный къ разрѣшенію споровъ определенной категоріи между сторонами. На всемъ протяженіи чловѣческой исторіи онъ былъ и остается по сей день *главной цитаделью права*. Больше того. Населеніе еще не отвыкло искать у него того высшаго блага, которое онъ именуешь «правдой». Разсудить дѣло «по справедливости», по-божески — въ этомъ, съ точки зрѣнія народнаго міросозерцанія, основное заданіе суда. Выкованная римскимъ гениемъ формула: «*res iudicata pro veritate habetur*»¹⁾ еще не сдана въ архивъ исторіи. Судъ по сей день еще несетъ сверхчловѣческую функцію провозглашенія истины. Отсюда — мистическій характеръ правосудія, его связь съ религіей. Связь эту безсильно было окончательнo порвать и отдѣленіе государства отъ церкви. И въ обмірщенныхъ государствахъ судебныя дѣйствія продолжаютъ сопровождаться особымъ тор-

1) «Рѣшеніе суда считается истиной».

жественнымъ общаніемъ — этимъ лицемѣрнымъ суррогатомъ обращенной къ небу присяги.

Судъ не можетъ творить своего дѣла безъ непосредственнаго участія широкихъ круговъ населенія. Онъ нуждается не только въ техническомъ персоналѣ коронныхъ судей, прокуроровъ и адвокатовъ, не только въ привлеченіи къ исполненію судейскихъ обязанностей выборныхъ представителей населенія въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, шеффеновъ, но и въ сотрудничествѣ сторонъ, свидѣтелей, свѣдующихъ лицъ. Наряду съ этимъ, безъ печати, безъ публики въ засѣданія, онъ лишается нужной ему гласности, хирѣеть отъ недостатка свѣта и воздуха.

При этихъ условіяхъ отправленіе правосудія неизбѣжно пріобрѣтаетъ національный характеръ.

Долговременное принудительное пребываніе на чужбинѣ научило насъ цѣнить наше прошлое, не ослабило, а укрѣпило нашу духовную связь съ родиной. «Такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куеъ булатъ». Особенно ярко свѣтитъ въ этомъ прошломъ ореолъ, окружающій русскій судъ по уставамъ Императора Александра II. Часто приходится слышать, что правосудіе поставлено было у насъ выше, чѣмъ на западѣ. Судить о сравнительныхъ достоинствахъ иностранныхъ судебныхъ системъ намъ не дано. Русскій судъ имѣетъ для насъ и только для насъ неоспоримое, присутствующее ему одному, достоинство: онъ былъ русскимъ, въ немъ жилъ русскій духъ.

Въ чемъ проявились свойственныя ему особенности? Какое именно содержаніе вложили русскій народъ въ заимствованныя на Западѣ формы?

Вотъ главный, пожалуй, единственно нужный вопросъ, который мы теперь на чужбинѣ должны себѣ ставить, подходя къ оцѣнкѣ русскаго суда въ прошломъ.

Пишущій эти строки не претендуетъ его разрѣшить. Его задача дать матеріалъ для размышленій надъ нимъ. Настоящія замѣтки — личныя впечатлѣнія, воспоминанія, не изслѣдованіе.

Въ области этихъ личныхъ переживаній въ прошломъ, личныхъ впечатлѣній въ настоящемъ — есть одно основное. Въ Россіи было живо *мистическое начало правосудія*. Оно было живо какъ въ народной массѣ, такъ и въ средѣ профессиональныхъ судебныхъ работниковъ, въ лицѣ судей, прокуроровъ, адвокатовъ, судебной молодежи. Вѣра въ святость дѣла правосудія у насъ не была изжита. Она горѣла, подчасъ подъ пеломъ скептицизма, матеріальныхъ интересовъ, но священный огонь еще не погасъ. Судъ въ Россіи былъ храмомъ правосудія, храмомъ, а не присутственнымъ мѣстомъ. Служители его священнодѣйствовали, а не отбывали будничную повинность. Судебная работа въ Россіи еще была призваніемъ, еще не превратилась въ ремесло. Живой духъ, который творцы

судебныхъ уставовъ вдохнули въ свое созданіе, не умеръ до конца.

И это всюду, на всемъ безконечномъ протяженіи нашей родной дали. Судить о русскомъ судѣ можетъ только тотъ, кто наблюдалъ его, работалъ въ немъ не въ столицахъ, не въ большихъ центрахъ, а въ глуши, не при электрическихъ люстрахъ судебныхъ залъ, а въ деревянныхъ домикахъ уѣздныхъ съѣздовъ, среди зипуновъ и овчинъ, при свѣтѣ тускло мерцающихъ керосиновыхъ лампъ. Только тому, для кого пламя торжественнаго служенія святому дѣлу горѣло и въ этой обстановкѣ, раскрыто все значеніе правосудія въ Россіи.

Все это можетъ казаться старческой переоцѣнкой невозвратнаго прошлаго. Однако, вотъ массовое, знаменательное въ своей обыденности явленіе, извѣстное всякому участнику, всякому посѣтителю судебныхъ засѣданій «бывшей» Россіи. Это образцовый порядокъ и тишина, господствовавшія въ засѣданіяхъ нашихъ судовъ, несмотря на отсутствіе въ населеніи привычки къ общественной дисциплинѣ. Церковь и храмъ правосудія — два мѣста, гдѣ предоставленная сама себѣ масса не допускала ни безпорядка, ни шума, при отсутствіи какого-либо принужденія. Тишина всегда полная.

Въ моментъ провозглашенія резолюцій отъ имени Монарха, приведенія къ присягѣ, она пріобрѣтала особо торжественный характеръ. Возгласъ судебного пристава передъ выходомъ суда: «судъ идетъ, приглашаютъ встать», неизмѣнно производилъ дѣйствіе военной команды. Вспоминаются невольно судебныя засѣданія Правительственнаго Сената по дѣлу бывшего военнаго министра генерала Сухомлинова. Это было въ августѣ 1917 года, за два-три мѣсяца до большевицкаго переворота. Дѣло слушалось въ Петроградѣ, въ концертномъ залѣ военнаго собранія, стѣны котораго не впитали въ себя судебныхъ традицій. Хоры были перенолнены хозяйничавшей въ столицѣ чернью въ солдатскихъ шинеляхъ. И въ этой обстановкѣ все замерло и поднялось, услышавъ привычный возгласъ престарѣлаго судебного пристава Петроградскаго Окружнаго Суда Солуяна.

Отзвукъ тѣхъ же общенародныхъ настроеній—въ сохранившейся у насъ любви къ торжественнымъ формамъ судебной процедуры.

На Западѣ червь обыденщины давно уже проточилъ и великолѣпія дворцовъ правосудія и театральные костюмы магистратуры и адвокатуры.

У насъ любители и мастера судебного ритуала сохранились до послѣдняго времени. Все происходило съ точнымъ, неукоснительнымъ соблюденіемъ всѣхъ предписанныхъ закономъ формъ, но безъ всякаго напряженія, при благожелательномъ и внимательномъ отношеніи къ подсудимымъ, сторонамъ, публикѣ. Въ залѣ засѣданія устанавливался духъ свободной само-

дисциплины. Люди не чувствовали никакого стѣсненія, но ходили безшумно, говорили шопотомъ. Въ такой атмосферѣ сцены, такъ перѣдко разыгрывающіяся въ роскошныхъ дворцахъ правосудія на Западѣ, были просто невозможны.

То-же впечатлѣніе и отъ непосредственнаго соприкосновенія съ отношеніемъ населенія къ правосудію при сотрудничествѣ съ нашими присяжными засѣдателями, крестьянскихъ составовъ въ особенности. Вотъ гдѣ подчасъ звучалъ подлинный голосъ народной совѣсти, чувствовался искренній порывъ разсудить дѣло справедливо, по Божески! Сколько волнующихъ сердце разказовъ пришлось выслушать отъ лицъ культурной среды послѣ отбытія сессіи въ качествѣ присяжныхъ въ средѣ такихъ полуграмотныхъ, «темныхъ» людей! Какъ много упрековъ въ произвольныхъ оправданіяхъ, что такъ охотно бросалось «суду улицы», отпало бы, если бы хулители сами переживали судимыя дѣла. Помню разказъ одного изъ такихъ обвинителей суда присяжныхъ о томъ, какъ онъ самъ, да еще въ качествѣ старшины состава, участвовалъ въ единогласномъ вердиктѣ, которымъ былъ оправданъ воръ-рецидивистъ, сознавшійся и изобличенный въ кражѣ. Дѣло разсматривалось въ Нижнемъ Новгородѣ, при «сѣромъ» составѣ присяжныхъ. Главными свидѣтелями со стороны обвиненія выступали супружизакладчики. На судѣ съ полной очевидностью выяснилось, что подсудимый давно «работалъ» на своихъ обвинителей, сбывая имъ за ничтожную плату краденныя вещи. На этотъ разъ они его выдали, чтобы самимъ выйти сухими изъ воды, что имъ и удалось. Когда присяжные засѣдатели удалились для совѣщанія, старшина, онъ-же разказчикъ, считая дѣло яснымъ, сразу обратился къ нимъ съ вопросомъ: «Что-же, господа, писать «виновень»?» Съ разныхъ сторонъ послышались голоса: «Знамо дѣло, виновны, такъ и пишете и про вора, и про закладчика, и про его жену.» Старшина возразилъ, что закладчики — свидѣтели, судить ихъ присяжные не уполномочены, да и вопросъ объ ихъ виновности судомъ не поставленъ. Кое кто изъ состава судей совѣсти сталъ высказывать сомнѣніе въ возможности такого положенія: «Не можетъ того стать, чтобы мы не могли при этомъ случаѣ своего слова сказать, когда при насъ все это наружу выплю.» Старшина предложилъ сомнѣвающимся потребовать дополнительныхъ разъясненій предсѣдателя. Вышли въ залъ засѣданія. Предсѣдатель, выслушавъ заявленіе присяжныхъ, предложилъ сторонамъ высказаться. Все окончилось бы ко всеобщему удовлетворенію, если бы представитель прокуратуры заявилъ ходатайство передъ судомъ о возвращеніи дѣла слѣдователю для привлеченія въ качествѣ обвиняемыхъ закладчиковъ-укрывателей или обѣщалъ возбудить о нихъ особое дѣло. На грѣхъ молодой товарищъ прокурора, не понявъ, что дѣло тутъ не въ фомальномъ правѣ судить свидѣтелей, а въ необходимости

успокоить судейскую тревогу присяжныхъ, произнесъ общую фразу о неприкосновенности свидѣтелей. Вернулись судьи совѣсти въ совѣщательную комнату. На этотъ разъ на вопросъ старшины: «ну, что-же, господа?», наступило продолжительное, суровое молчаніе. Нарушилъ его одинъ изъ старѣйшихъ по возрасту судей, мѣстный купецъ изъ «простыхъ». «А коли такъ», твердымъ, почти приказательнымъ голосомъ обратился онъ къ старшинѣ: «пиши, что не виновенъ.» Вору оправданъ былъ единогласно. Не протестовалъ и старшина. Всякій русскій судебный дѣятель знаетъ, что непривлеченіе въ качествѣ обвиняемаго къ дѣлу лица, по убѣжденію присяжныхъ, участвовавшаго въ преступленіи обычно влекло за собой оправданіе виновниковъ преступленія, преданныхъ суду. Несправедливость неизмѣнно вызывала рѣзкій протестъ суда совѣсти.

Вѣренная присяжнымъ засѣдателямъ судебная власть была безконтрольна. Законъ освобождалъ ихъ отъ обязанности мотивировать свои вердикты. Надъ судомъ совѣсти не существовало высшей инстанціи, уполномоченной къ провѣркѣ постановляемыхъ имъ рѣшеній по существу. При неподготовленности населенія къ несенію судейской обязанности, создавалась несомнѣнная опасность худшаго изъ произволовъ. произвола судебного. Теперь уже не приходится оспаривать общепризнаннаго успѣха судебной реформы 1864 года. Могущая казаться беспочвенной вѣра творцовъ судебныхъ уставовъ въ русскій народъ, подавляющая масса котораго еще недавно освобождена была отъ крѣпостной зависимости, блестяще оправдала себя въ дѣйствительности. Только притупленное классовымъ міросозерцаніемъ нравственное чувство, только придавленный марканизмомъ умъ могутъ русскій судъ вообще русскій судъ присяжныхъ засѣдателей въ частности, признавать классовымъ, то естъ органически пристрастнымъ. Только недомыслие или предвзятость могутъ отвергать нравственный авторитетъ приговоровъ и рѣшеній русскихъ судовъ, вѣру населенія въ безпристрастіе русскихъ судей. А моральная побѣда эта далась не легко. Нужны долгіе годы работы въ нашемъ судѣ, съ русскимъ судомъ присяжныхъ въ частности. чтобы знать, какъ много соблазновъ пристрастія преодолѣно на этомъ пути. Вотъ одинъ изъ случаевъ такого преодолѣннаго соблазна.

Въ гор. Старицѣ Тверской губерніи разсматривалось, съ участіемъ присяжныхъ, дѣло цыгана, обокравшаго мѣстнаго крестьянина. Полиція успѣла задержать вора со всѣмъ, безъ исключенія, похищеннымъ добромъ, которое до послѣдняго гвоздя было возвращено потерпѣвшему. Все пропало бы безъ осложненій, но на грѣхъ обокраденный мужикъ «по слухамъ» прозналъ, что у цыгана при задержаніи было найдено 500 рублей денегъ. Подумалъ потерпѣвшій, да и отправился къ слѣ-

дователю съ дополнительнымъ заявленіемъ: «Запомнѣвалъ я вамъ, ваше благородіе, прошлый разъ сказать, что у меня, кромѣ вещей, еще 500 рублей денегъ пропало.» Слухи о деньгахъ оказались соответствующими дѣйствительности. Заарестованная при цыганѣ сумма въ 500 рублей была отъ него отобрана и сдана на храненіе въ мѣстное казначейство. Слѣдователь составилъ протоколъ дополнительнаго заявленія потерпѣвшаго и такъ какъ по характеру произведеннаго воровъ взлома стоимость похищеннаго уже не могла имѣть значенія увеличивающаго вину обстоятельства, направилъ дѣло въ прокуратуру, не провѣривъ новой версіи. Въ результатѣ по обвинительному акту цыгану было предъявлено обвиненіе въ кражѣ не только вещей, но и 500 рублей денегъ. На судѣ вся исторія выяснилась. Было совершенно очевидно, что никакихъ денегъ у мужика украдено не было, да и суммы въ 500 рублей онъ имѣть не могъ. Когда присяжные удалились для совѣщанія, ихъ старшина, мѣстный помѣщикъ, широко образованный человѣкъ, отъ котораго вся эта исторія и сдѣлалась извѣстной пишущему эти строки, обратился къ нимъ съ вопросомъ: «Что-же, братцы, такъ и писать: да, виновенъ, но 500 рублей денегъ не похищаль?» Къ удивленію старшины, присяжные — всѣ мѣстные крестьяне — на его вопросъ отвѣтили общимъ молчаніемъ. Онъ сталъ настаивать, повторяя, что дѣло ясное. Съ нимъ не спорили, но отвѣта на его вопросъ все не было. Тянулось молчаніе довольно долго, пока наконецъ одинъ изъ присяжныхъ сказалъ: «Такъ-то оно такъ, баринъ. Только вотъ что. Сдѣлай ты милость, поверни ты эти деньги мужику. Цыганъ, оно конечно, ихъ у кого другого украсть а все-же: мужичекъ, самъ видишь, обстоятельный, онъ бы на эти деньги совсѣмъ поправился.» Всѣ присяжные присоединились къ этому рѣшенію, настойчиво прося своего старшину «повернуть деньги.» Въ теченіе часа старшина убѣждалъ судей совѣсти въ томъ, что они не имѣютъ права обогащать потерпѣвшаго чужимъ краденымъ добромъ, что задержанныя деньги цыгану возвращены не будутъ, а подлежатъ передачѣ полиціи для розысканія собственника. Въ заключеніе большинство состава сдилось на увѣщанія. Опасность неправоуднаго рѣшенія была устранена. Чтобы понять всю силу преодолѣннаго въ этомъ случаѣ соблазна, нужно знать глубину вражды русскаго крестьянина къ цыгану-вору.

Въ чемъ главная, отличительная особенность русскаго суда по уставамъ Императора Александра II отъ западныхъ? Авторъ замѣтокъ отвѣтилъ бы на этотъ вопросъ безъ колебаній: русскій судъ былъ доступнѣе, ближе къ населенію — не географически, а духовно. *былъ человѣчнѣе* судебныхъ учреждений Европы. Казалось бы, что пресловутая пропасть, отдѣлявшая у насъ, въ области культуры, привилегированные слои населенія отъ низшихъ представляла непреодолимую преграду для

такой близости. А между тѣмъ, погружаясь мысленно въ прошлое, въ окружающую нашу судь и его дѣятелей атмосферу, тщетно ищешь, даже теперь послѣ ужасовъ пережитого, хотя бы тѣни не только враждебности, но даже отчужденности населенія въ его отношеніи къ «господамъ», и «вашимъ благородіямъ», занимавшимъ разныя судебныя должности отъ высшихъ до низшихъ. Эти укоренившіяся въ нашей жизни формы обращенія, какъ и столь обычное у насъ «тыканіе» не устраняли человѣчности взаимныхъ отношеній. Авторъ съ невольной улыбкой вспоминаетъ, какъ въ началѣ своей судебной работы онъ принужденъ былъ отказаться отъ рѣшенія не допускать «ты» при сношеніяхъ съ меньшей братіей и только потому, что первымъ неизмѣнно переходилъ «на ты» меньшій братъ. Впрочемъ, и въ этой области неограниченныя возможности нашей родной дѣйствительности преподносили иногда сюрпризы, повергавшіе въ изумленіе даже знавшихъ мѣстную жизнь судебныхъ работниковъ. Пищущій эти строки былъ свидѣтелемъ такого сюрприза въ началѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ г. Ярославлѣ. Въ мѣстномъ судѣ слушалось дѣло о преступленіи, совершонномъ въ одной изъ деревень Ярославскаго уѣзда. Въ числѣ свидѣтелей былъ вызванъ крестьянинъ, лѣтъ тридцати пяти, показаніе котораго въ дѣлѣ особаго вниманія на себя не обращало. Незамѣченнымъ онъ прошелъ и при краткомъ опросѣ его передъ приведеніемъ къ присягѣ. Когда наступила очередь его вопроса, предсѣдатель суда Н. А. Манасейнъ пригласилъ его показать все извѣстное ему по дѣлу, причемъ въ началѣ же его разказа нѣсколько разъ прерывалъ его вопросами, неизмѣнно обращаясь къ нему на «ты». Свидѣтель, по внѣшнему виду типичный ярославскій крестьянинъ, послѣ одного изъ такихъ «ты», приостановился, сверкнувъ въ сторону предсѣдателя добродушно-ироническимъ взглядомъ, спокойнымъ тономъ произнесъ стѣдующія буквально слова: «Господинъ предсѣдатель, я бы просилъ васъ обращаться ко мнѣ въ общепринятой вѣжливой формѣ». Предсѣдатель вспыхнулъ, опустилъ глаза, пробормоталъ: «продолжайте, свидѣтель», но затѣмъ не выдержалъ и некстати прерывая показанія свидѣтеля, спросилъ: «Вы получили образованіе свидѣтель?» О.: «Да, господинъ предсѣдатель». В.: «Гдѣ вы учились?» О.: «Я окончилъ курсъ Императорскаго Московскаго Университета». Въ оправданіе предсѣдателя и всѣхъ насъ, сразу не разобравшихъ, что мы имѣемъ дѣло съ образованнымъ человѣкомъ, слѣдуетъ замѣтить, что ярославскіе крестьяне, часто обладающіе недюжинными ораторскими способностями, легко усваиваютъ общекультурный языкъ при занятіяхъ своихъ самыми разнообразными видами отхожихъ промысловъ.

Насколько отношенія судебныхъ дѣятелей къ населенію были лишены начальственнаго тона, можно судить по слѣдую-

щему эпизоду, происшедшему равнымъ образомъ въ присутствіи пишущаго эти строки.

Въ уѣздной сессіи ярославскаго окружнаго суда въ г. Пошехоньѣ, разсматривалось дѣло о деревенскомъ поджогѣ изъ мести. Дѣло это, какъ и большинство ему подобныхъ, было довольно сложно. Главной свидѣтельницей по дѣлу выступала крестьянка, лѣтъ сорока, сосѣдка потерпѣвшаго, которая устанавливала послѣдовательность ряда мелкихъ событій, имѣвшихъ въ своей совокупности рѣшающее значеніе по дѣлу. Когда наступила очередь ея показанія, она начала свой рассказъ въ спокойно-повѣствовательномъ тонѣ, нѣсколько на распѣвъ, словами: «Было это въ Успеневъ день. Пили мы чай. Онуфрій Ивановъ...» Предсѣдательствовавшій въ засѣданіи членъ суда В. А. Волковъ, престарѣлый, опытный судебный дѣятель изъ помѣщиковъ Ярославскаго уѣзда, нетерпѣливо прервалъ свидѣтельницу: «Намъ не интересно слушать, какъ вы пили чай, свидѣтельница, переходите къ дѣлу». Приостановившись, свидѣтельница вскинула умными глазами на предсѣдателя и, не проявляя ни малѣйшаго признака ни смущенія, ни недовольства, тѣмъ же ровнымъ, пѣвучимъ голосомъ продолжала: «Такъ, говорю я. Пили это мы чай. Онуфрій Ивановъ...» Раздраженный предсѣдательствующій вновь остановилъ свидѣтельницу. На этотъ разъ она, смотря предсѣдательствующему въ глаза, внушительнымъ тономъ, но не повышая голоса, произнесла: «Ты, батюшка, не серчай. Дай слово сказать. Я и до дѣла донду». Внушительность тона, вѣра въ свою правоту этой простой женщины были таковы, что смущенный баринъ-предсѣдатель не рѣшился уже ея прерывать. Въ результатъ она по выпитымъ чашкамъ возстановила всю картину событій съ такой доходящей до картинности ясностью, что и суды, и присяжные сразу усвоили все перенетіи дѣла. Прошло болѣе тридцати лѣтъ, а и теперь показаніе этой крестьянки Пошехонскаго уѣзда — одно изъ незабываемыхъ воспоминаній о силѣ нашей народной рѣчи.

Теперь, послѣ знакомства съ западными порядками, невольно себя спрашиваешь: въ какомъ иностранномъ европейскомъ судѣ возможно такое подчиненіе начальника-судьи свидѣтельницамъ-крестьянкамъ и притомъ въ совершенно мирныхъ тонахъ, какъ естественное проявленіе свойственныхъ нашему быту отношеній къ населенію? На Западѣ, несмотря на равные для всѣхъ «господинъ», «госпожа», предсѣдатель въ судебномъ засѣданіи для свидѣтеля только начальство, свидѣтель для предсѣдателя только подчиненный ему органъ освѣдомленія. У насъ — умная, сознающая свою правоту женщина, не вызывая ни съ чьей стороны ни протеста, ни изумленія, добродушно ставитъ на мѣсто певпору разгорячившагося старичка. На Западѣ — свобода, равенство и братство, безсильныя противъ окаменѣвшихъ вѣковыхъ перегородокъ между людьми разныхъ

положеній, разныхъ классовъ; у насъ — человѣчность, проникающая черезъ всѣ щели непрочныхъ деревянныхъ переборокъ наставленныхъ во множествѣ на нашей деревенской Руси и закономъ, и обычаемъ...

Когда вспоминаешь о русскомъ дореволюціонномъ судѣ, невольно наталкиваешься на вопросъ о судейской независимости. Западъ привыкъ къ тому, что политическія теченія даннаго момента отражаются и на судебныхъ рѣшеніяхъ. У насъ вкругъ этого вопроса много и часто суетились крайніе фланги нашей общественности и справа, и слѣва. И тѣ, и другіе подходили къ нему главнымъ образомъ, если не исключительно, подъ политическимъ угломъ зрѣнія и отождествляли судейскую независимость съ несмѣняемостью суда. Для однихъ судейская несмѣняемость представлялась несовмѣстимой съ нашимъ политическимъ строемъ, для другихъ она была дорога, какъ одна изъ принадлежностей столь заманчиваго для нихъ западно-европейскаго демократически-парламентарнаго строя. Лѣвые радикалы часто заподозрѣвали императорское правительство въ попыткахъ вліять на судейскую совѣсть, охотно распускали слухи о предстоящей отмѣнѣ судейской несмѣняемости, которая благодаря шумихѣ пріобрѣла у насъ преувеличенное значеніе. У насъ забывали, что всякое правительство имѣетъ возможность, буде оно къ тому склонно, воздѣйствовать на поддающуюся такому воздѣйствію судейскую совѣсть — соблазнами выгодъ и наградъ въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ угрозами смѣщенія или перемѣщенія. Крайне характерно, что за все время существованія русскаго суда по уставамъ Императора Александра II единственная серьезная попытка отмѣны судейской несмѣняемости была предпринята нашей лѣвой общественностью, оказавшейся у правительственнаго кормила, въ обликѣ Временнаго Правительства. Проектъ этой безумной мѣры былъ внесенъ на разсмотрѣніе особой комиссіи изъ высшихъ судебныхъ чиновъ министромъ юстиціи и генераль-прокуроромъ А. Ф. Керенскимъ. Если бы этотъ проектъ удалось осуществить, его практическія послѣдствія ограничились бы увеличеніемъ нѣсколькихъ судей и замѣной ихъ политическими сторонниками г. Керенскаго. Сломить судейскую независимость подобнымъ путемъ не удалось бы, такъ какъ она не отъ тѣла, а отъ духа, не отъ организаціи, а отъ опредѣленнаго, созданнаго жизнью настроенія. Судейская несмѣняемость поддерживаетъ существующій духъ судейской независимости, но она такъ же бессильна его создать, какъ ея отмѣна — его сломать.

Въ Россіи духъ независимости въ судебной средѣ былъ живъ. Онъ упрочился въ нравахъ судебныхъ работниковъ. Подчиненности тамъ не было не только во взаимоотношеніяхъ судей разныхъ ступеней, но и въ прокуратурѣ, гдѣ по закону она существовала. Введенный судебными уставами законный

терминъ «товарищъ прокурора», замѣнявшій юридически болѣе точное выраженіе: «помощникъ прокурора», жизнью превращенъ былъ въ лозунгъ, въ принципъ взаимоотношеній. И въ прокуратурѣ не приказывали, а убѣждали, просили. На свободу убѣжденія въ пониманіи не только существа дѣла, но и юридическихъ проблемъ, никакое начальство не только никогда не посягало, но и посягнуть бы не могло, настолько подобная попытка противорѣчила установившимся привычкамъ. Тридцатипятилѣтнее служеніе дѣлу правосудія въ рядахъ русской магистратуры и прокуратуры даетъ автору этихъ замѣтокъ нравственное право утверждать, что *ни одного случая* давленія сверху на совѣсть не только судей, но и чиновъ прокуратуры ему неизвѣстно, хотя лично ему пришлось принимать участіе и въ качествѣ судьи, и какъ представителю государственнаго обвиненія въ цѣломъ рядѣ процессовъ, затрагивавшихъ интересы центральной власти.

Въ области правовой одинъ изъ бичей населенія — медленность судебной процедуры. Судъ долженъ быть не только правымъ и равнымъ для всѣхъ, но и «скорымъ». Заноздалое возстановленіе нарушеннаго права утрачиваетъ часто свое практическое значеніе. Медленность суда подчасъ равносильна отказу въ правосудіи.

Казалось бы, что быстрота судебной процедуры зависитъ главнымъ образомъ отъ надлежащей технической организаціи судебныхъ органовъ. Въ дѣйствительности и здѣсь — больше отъ духа, чѣмъ отъ техники. Человѣческій трудъ эластиченъ. Количество работы, выпадающей на долю судебныхъ дѣятелей разныхъ странъ, не одинаково. По числу дѣлъ, приходившемуся на отдѣльныхъ членовъ магистратуры и прокуратуры, русскій судъ былъ самымъ обремененнымъ въ Европѣ. Несмотря на это, медленность производства не доходила до европейскихъ образцовъ. Съ неизмѣнно увеличивающейся работой справлялись цѣною удлиненія рабочаго дня. Засѣданія, какъ по уголовнымъ, такъ и по гражданскимъ дѣламъ, очень часто заканчивались даже не вечеромъ, а ночью. Всѣ дѣла, назначенныя на определенное засѣданіе, разрѣшались хотя бы цѣною продолженія засѣданія на слѣдующій день. Отложенія самимъ судомъ, помимо просьбы сторонъ, гражданскихъ дѣлъ, подчасъ на мѣсяцы, какъ это практикуется въ Европѣ, — у насъ не допускалось. Священнаго момента наступленія обѣденнаго часа, когда механически прерываются занятія во всѣхъ правительственныхъ мѣстахъ, не исключая судовъ. Императорская Россія не знала.

Инерціи одухотворяющаго судебные уставы идеализма хватило до конца.

ДОМОВОЙ.

Истинный поэт не выдумывает пѣсенъ: онъ знаетъ, что пѣспя спитъ въ каждой вещи, а онъ лишь будитъ ее чародѣйнымъ словомъ¹⁾; это не онъ поетъ о предметѣ, а предметъ самъ поетъ себя въ пѣснѣ своего пѣвца. Поэтъ знаетъ, что пѣсня есть подлинная природа вещи, душа ея души; пѣсню создаетъ то, что существенно въ мѣрѣ, что вѣрно и священо; *поютъ* первозданныя сущности вещей, вѣчно живыя. — тогда какъ поверхностные вихри жизни, ея суетливые обманы способны только *шумѣть*. Конечно, и этотъ шумъ можно выдать, а случается и принять за пѣсню, но — не надолго: онъ обреченъ на то, чтобы потонуть въ другихъ шумахъ земли.

Тема пѣсни можетъ быть дана и самыми простыми вещами... Но развѣ въ простомъ, житейскомъ не живетъ подлинная священная глубина? И если великій поэтъ поетъ о близкой каждому, знакомой, привычной обыденности, не значитъ ли это, что онъ огнемъ души своей сжегъ нарощую на ней шелуху зыбкихъ бессмысленныхъ явленій, и что непреходящая, глубинная *мысль* ея, освобожденная, всколыхнулась пѣсней?

Однако, подлинная природа вещей скрыта глубоко; существенное — сокровенно и таинственно; поэтому и пѣсня всегда звучитъ, какъ *тайна*, всего не выговариваетъ, не открываетъ всего до конца. Но, полная невѣдомымъ, она опредѣляетъ имъ все до еле уловимыхъ тѣней въ творимыхъ ею образахъ, до едва слышныхъ тоновъ своей музыки и — предоставляетъ искать пути въ исторгнувшую ее неизреченную глубину.

Помѣстья мирнаго незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лѣсъ и дикій садикъ мой
И скромную семью моею обитель!
Да не вредятъ полямъ опасный хладъ дождей
И вѣтра поздняго осенніе набѣги;
Да въ пору благотворны снѣги
Покроютъ влажный тукъ полей!
Останься, тайный стражъ, въ наслѣдственной сѣни,
Постигни робостью полуночнаго вора
И отъ недружескаго взора
Счастливымъ домикъ охрани!

1)

Въ каждой вещи пѣсня дремлетъ:
Миръ, исполненъ тайныхъ сновъ,
Твоимъ зовамъ вѣщимъ внемлетъ
И залѣтъ всегда готовъ.

Эйхендорфъ.

Ходи вокругъ него заботливымъ дозоромъ,
Люби мой милый садъ, и береги сонныхъ водъ,
И сей укромный огородъ
Съ калиткой ветхою, съ обрушеннымъ заборомъ!
Люби зеленый скатъ холмовъ,
Луга, измятые моею бродящей лѣнью,
Прохладу липъ и кленовъ шумный кровъ —
Они знакомы вдохновенью²⁾.

Одно слово въ пѣснѣ «Домовому» указываетъ на тотъ духовный опытъ, который заставилъ ее прозвучать. Это слово — *вдохновенье*, огненное слово, послѣднее по мѣсту своему въ пѣснѣ и первое по своему значенію въ ней.

«И, признакъ Бога, вдохновенье», — говоритъ поэтъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній³⁾. Это значитъ, что вдохновенье есть знакъ присутствія въ душѣ пѣвца божественной силы. Поющая душа предстоить Божеству, въ ней являющемуся и призывающему ее къ жертвенному служенію⁴⁾.

Такая жертва требуетъ полного, захватывающаго всю душу вниманія къ нездѣшнымъ звукамъ и полной отрѣшенности отъ грубаго и навязчиваго гомона земныхъ голосовъ. Земной міръ, т. е. «людское стадо»⁵⁾, увлеченное своими мелкими заботами, испытывается поэтомъ, какъ *помѣха* вдохновенью. Окружая человѣка вереницами то пугающихъ, то дразнящихъ, то привлекающихъ впечатлѣній, суетливая жизнь развлекаетъ душу и отвлекаетъ ее отъ ея глубины, чуткой къ шопоту таинственнаго. Душа пѣвца утрачиваетъ свою опору въ вѣчномъ, умолкаетъ и никнетъ въ холодномъ снѣ.

«Служенье музъ не терпитъ суеты...»⁶⁾ Пѣвцу нужна тишина и покой, онъ ищетъ уединенія: онъ находитъ его у *огня домашнихъ боговъ*.

Въ недоконченномъ гимнѣ во славу пенатовъ Пушкинъ обращается къ богамъ домашняго очага, какъ къ великой первоначальной силѣ жизни, которая учитъ человѣка быть и общаться съ самимъ собою, познавать себя, находить и взращивать въ себѣ таинственное. Часы одиночества приносятъ поэту радость новыхъ познаній.

²⁾ Пушкинъ. «Домовому».

³⁾ «И, признакъ Бога, вдохновенье,
Для нихъ и чуждо и смѣшно...»
Пушкинъ. «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ».

⁴⁾ «Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ...»
Пушкинъ. «Поэтъ».

⁵⁾ «... съ какимъ святымъ (волненьемъ)
Оставилъ я людское стадо наше...»
Пушкинъ. «Еще одной высокой важной пѣсни».

⁶⁾ Служенье музъ не терпитъ суеты,
Прекрасное должно быть величаво...
Пушкинъ. «19 октября 1825».

«Часы неизъяснимыхъ (наслаждений!)
Они даютъ намъ знать сердечну гллубь
Въ могуществѣ и въ немощахъ сердечныхъ,
Они любить, лелѣять научають
Не смертныя таинственныя чувства,
И пась они наукѣ первой учать
Чтить самого себя» ?).

Въ этихъ немногихъ словахъ, зажженныхъ надъ затаенными переживаниями души, поэтъ касается одного изъ истоковъ вдохновенія. Отрѣшенная отъ пестрой смѣны явленій, душа погружается въ самое себя. смотритъ внутреннимъ окомъ, познать и судить: находить недоброе — немощи душевныя и отмечаетъ ихъ; и утверждается на могуществѣ духа. объятаго тѣнями рѣчныхъ тайнъ. Пенаты, раскрывая безсмертное въ одинокомъ сердцѣ человѣка, указываютъ въ немъ на то. что заслуживаетъ почитанія, что является основой его достоинства и его силы.

Въ свѣтѣ «уединеннаго огня» домашнихъ боговъ *рождается новый человекъ*, умудренный самопознаніемъ и Богопознаніемъ и подготовленный къ духовному служенію. Такой человекъ сознаетъ свое величіе и мощь, но онъ почерпаетъ ихъ въ Божіемъ величій, которому приобщается его сердце и которому служить его воля.

Какъ слуга Божій, поэтъ, почитая священный домашній очагъ, ждетъ любви и защиты отъ его священнаго стража.

Какъ слуга Божій, поэтъ вѣритъ въ то, что неземная сила охранить его земной приютъ — тихое убѣжище его вдохновеній.

Такъ возникаетъ таинственный союзъ человѣка съ его земной обителью и съ той незримой силой, которая ее оберегаетъ... На этомъ союзѣ и утверждается молитва поэта къ домовому.

Дремлютъ тихія воды у подножья холмовъ. На лѣсномъ берегу — усадьба: домикъ, запущенный садъ, огородъ укромный. Мирный приютъ отцовъ и дѣдовъ; въ немъ все овѣяно любовью. и эта любовь, заботливая и благодарная, творитъ молитву объ его процвѣтаніи. Домового призываетъ эта молитва: и вотъ. во всѣхъ концахъ усадьбы уже чудится его смутный образъ, отстрашающій отъ нея и злосчастья, и козни вражнхъ силъ.

Покой, ничѣмъ не возмущаемый, и крѣпкая довѣриемъ любовь звучатъ на всемъ протяженіи пѣсни; они наполняютъ каждое ея слово и опредѣляютъ ея музыкальный строй, простой. свободный и ласковый. Въ ней все благоухаетъ пѣжностью... — рожденной въ суровомъ одиночествѣ души и расцвѣтшей въ тѣхъ ея нѣдрахъ, гдѣ кончается преходящее.

«Заботливымъ дозоромъ» ходитъ домовая вокругъ помѣстья и бережетъ его и отъ злыхъ силъ природы и отъ злой страсти людей.

?) Пушкинъ. «Еще одной высокой важной пѣсни».

Природа полна непостижимой жизни, ускользающей от слабого ума человеческого, и нерѣдко душа земледѣльца трепещетъ, чуя кругомъ себя ежечасную опасность и вражду. Противъ тайнаго зла не помогутъ ни знанія, ни умѣнье, и человекъ — тамъ, гдѣ онъ сознаетъ свое безсиліе, — укрѣпляетъ свою бодрость довѣріемъ къ покровителю его земли — своему домашнему богу. Властный надъ силами природы, домовый убережетъ за сѣянное поле отъ холодныхъ бурь и дождей и согрѣетъ его рано выпавшимъ снѣгомъ.

Еще страшнѣе дому злыя вождельнія людей. Для того, чтобы сохранить его цѣлость, надо овладѣть тѣми недобрыми страстями, которыя гонять людей на расхищеніе и разрушеніе чужого. Для защиты мало однѣхъ внѣшнихъ мѣръ огражденія. Ловкость вора преодолѣетъ опасливую изобрѣтательность хозяина, а дерзостная смѣлость его не остановится передъ словомъ запрета. Но и ветхой калитки и обрушеннаго забора довольно для охраны усадьбы, если таинственная сила домашнего божества постигнетъ робостью злоумышляющую душу и отворотитъ завистливый взоръ.

Домовой пробуждаетъ въ душѣ человека чувство священности чужого достоянія. Это знали и люди старыхъ временъ. Уже первобытные поселенцы поручали запятую ими землю заботамъ своихъ домашнихъ боговъ и ставили ихъ изображенія на границахъ своихъ владѣній. Такъ утверждалъ человекъ свое «самостоянье» на своемъ «родномъ пенелищѣ»⁸⁾, не вѣдая еще, что довѣріе къ домашнему богу укрѣпляетъ его связь съ землей отцовъ и готовитъ расцвѣтъ національной культуры.

Огражденное заботами божества отъ враждебныхъ силъ міра скромное помѣстье становится для человека неизсякаемымъ источникомъ любви. Оно не только поддерживаетъ его существованье. — оно само полно жизни древней и умудряющей. Гостепріименъ можетъ быть и чужой домъ, прекрасна и чужая природа, щедрa и чужая земля. Но лишь въ «своемъ» человекъ узнаетъ родное: въ своей природѣ и неживой предметъ становится для него живымъ символомъ, а цвѣты и деревья открываютъ ему жизнь своей души. Преданія наслѣдственной сѣни и ласковыя тѣни ея прежнихъ обитателей пробуждаютъ это чувство родства уже въ сердцѣ ребенка. Когда дитя открываетъ старую калитку со ржавымъ затворомъ и бѣ-

8) «Два чувства дивно близки намъ —
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу,
Любовь къ родному пенелищу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ.
(На нихъ основано отъ вѣка
По волѣ Бога самого
Самостоянье человека, —
Залогъ величія его».

жить по дорожкѣ, искоженной его дѣдами, душа его слышитъ ихъ шаги, и деревья сада невятно шепчутъ ей про былую жизнь и ласкаютъ ее дѣдовской лаской. И вотъ маленькій потомокъ ушедшихъ владѣльцевъ уже чувствуетъ тайную связь души своей съ древней природой, свидѣтельницей далекихъ, но родныхъ ему минувшихъ дней. Онъ слушаетъ ее довѣрчиво и учится понимать ея неясныя рѣчи; онъ ждетъ отъ нея откликовъ... и тоскѣ его вторятъ шумы лѣсные, и радостямъ его радуются звоны зазеленѣвшихъ полей. Родная природа, это — родная жизнь; и мнится, что кто-то далекій, но близкій, могучій, но добрый скрывается въ ней, ее лелѣетъ и черезъ нее свѣтитъ душѣ своею любовью.

Свой домъ, своя природа, есть крѣпость любви, которая нужна человѣку для его духовнаго цвѣтенія: душа питается не только собственной любовью, помогающей ей расширить границы міра, сдѣлать далекое близкимъ, — но и сознаниемъ любви, которое умножаетъ ея силы, укрѣпляетъ ея вѣру въ свою мощь. Въ одинокой огражденности отъ вѣшняго «недружескаго» вмѣшательства, въ увѣренности, что кто-то тайный блюдетъ ея миръ, душа человѣка всей полнотой своей отдается чарамъ незримой жизни, и онѣ пробуждаютъ въ ней и думу древнюю и древнюю пѣснь.

Свой уголокъ земли, — свой домъ, свой садъ, свои лины и клѣны, — есть лоно духовнаго дѣланія, есть алтарь, у котораго душа въ тишинѣ уединенія общается съ Вѣчнымъ.

Такъ мистерія, состоявшаяся въ душѣ пѣвца передъ лицомъ домашнихъ боговъ, раскрываетъ подлинный *смыслъ земного жилища* и освящаетъ отношеніе человѣка къ *своему владѣнію*. И даже тогда, когда люди идутъ кривыми путями, когда ихъ заблужденія искажаютъ подлинную сущность домашняго очага, — онъ въ основѣ своей не перестаетъ быть ступенью къ высшимъ, духовнымъ формамъ жизни, средствомъ для осуществленія въ ней «вдохновеннаго досуга и вдохновеннаго труда»⁹⁾.

Образъ домашняго бога до сихъ поръ еще сохранилъ свою свѣжесть въ народныхъ повѣрьяхъ. Домовой все еще живетъ у огня, гдѣ-то за печью. Въ сумеркахъ вечера онъ бродитъ по дому, гремитъ посудой и пугаетъ маленькихъ непослушныхъ дѣтей. Онъ любитъ «свою» усадьбу, блюдетъ въ ней порядокъ и тяжело наказываетъ того, кто его нарушаетъ... Но добраго «дѣда» считаютъ теперь нечистой силой и заклинаютъ порой словами молитвъ.

Въ поэзіи Пушкина домовый вновь получаетъ священное значеніе. Его неувливаемый, неясный образъ воспринимаетъ въ

9) «Риема — звучная подруга
Вдохновеннаго досуга,
Вдохновеннаго труда».

себя и древнюю мудрость человѣческаго сердца, и новое знаніе, обрѣтенное вдохновеннымъ видѣніемъ гѣвца. Какъ и встарь, домашній «духъ» любовно сторожитъ земную обитель человѣка. Но онъ любитъ ее за тѣ пѣсеннѣія, которыя звучать въ ея сѣни и строить въ ней незримый храмъ Единому Богу.

Наталія Ильина.

ВОЛЕВЫЕ РУССКІЕ ЛЮДИ.

(Подвиги русскихъ святыхъ во утверждение Православія).

Въ русской исторіи въ ряду великихъ и малыхъ событій, дѣяній мира и войны, положительныхъ и отрицательныхъ явленій, дѣль внутренняго и внѣшняго строительства, съ особенной отрадой привлекаетъ наше вниманіе одно несомнѣнно свѣтлое, благородное явленіе: крѣпкая, неустанная *борьба* лучшихъ русскихъ людей *за убѣжденія*, за свои идеалы, за правду, за свое міровоззрѣніе; борьба, доходившая перѣдко до самоотверженности, до подвига-положничества. Однимъ изъ наиболѣе частыхъ проявленій такой, вызываемой возынешними побужденіями дѣятельности были великіе труды по *распространенію и оборонѣ на Руси* православнаго христіанства.

Великая борьба съ древнимъ язычествомъ за утверженіе у насъ новаго вѣроисповѣданія, требовавшая горѣнія духа и напряженныхъ усилій, началась у насъ въ мѣстѣ зарожденія нашего христіанства, въ матери городовъ русскихъ, въ старомъ Кіевѣ. Можно думать, что проявленіями ея были трагическая гибель Аскольда и Дира, споры о вѣрѣ между Ольгой и сыномъ ея Святославомъ, страдальческая кончина варяговъ первоучениковъ, усебица Святославичей — Ярополка и Владимира, и прочее.

Еще упорнѣе и опредѣленнѣе по своимъ идейнымъ побужденіямъ была борьба, происходившая уже на глазахъ исторіи — въ Сѣверной Россіи. Тамъ распространеніе и укрѣпленіе христіанства потребовало волевыхъ усилій многихъ подвижниковъ.

Въ Новгородѣ, уже послѣ крещенія, былъ случай, когда волхвъ соблазнилъ весь городъ. Видя смятеніе въ людяхъ, епископъ предложилъ на вѣчевомъ народномъ собраніи, чтобы стали за нимъ вѣровавшие во Христа, а сторонники язычества шли къ волхву. Тогда весь городъ сталъ за волхвомъ, и лишь князь съ дружиною — за епископомъ. Потребовалось необычайное присутствіе духа, преданность вѣрѣ и находчивость князя, чтобы найти мирный способъ выйти изъ положенія.

Въ Ростовской землѣ христіанство укрѣплялось очень туго. Когда въ ней началъ проповѣдывать преп. Авраамій, тамъ бы-

ло еще очень много язычниковъ, поклонявшихся идолу Велеса. Послѣ многихъ проповѣдническихъ трудовъ ему удалось сокрушить обоготворяемый истуканъ, а на мѣстѣ его прежняго стоянія возградить церковь и при ней общежительный монастырь. Но значительная часть язычниковъ не обратилась въ христіанство и послѣ сокрушенія Велеса. Окрестные иновѣрцы неоднократно приходили на Аврааміеву обитель и пытались разорить ее и предать пламени. Но Авраамій не останавливался передъ опасностью и мужественно продолжалъ свое апостольское дѣло.

Въ просвѣщеніи христіанствомъ Ростовской земли принимали участіе и епископы Федоръ и Иларіонъ; но они должны были удалиться изъ Ростова вслѣдствіе гоненія язычниковъ. На ихъ мѣсто прибылъ епископъ св. Леонтій, котораго жители города также изгнали отъ себя. Тогда онъ поселился въ окрестностяхъ Ростова у потока, именованнагося «Врутовщица» и построилъ здѣсь церковку. Отчаявшись обратить въ христіанство взрослыхъ, онъ рѣшилъ посвятить свои силы просвѣщенію дѣтей, которыхъ сталъ привлекать къ себѣ ласковымъ обращеніемъ, а заодно обучалъ ихъ православною вѣрѣ. Родители еще больше ожесточились за это на епископа и подвергали его мученіямъ и побоямъ. Однажды, они даже пришли къ церковкѣ съ оружіемъ и дреколіемъ, собираясь убить его. Тогда Леонтій въ полномъ облаченіи, совмѣстно со всѣмъ священнымъ соборомъ, вышелъ къ народу съ крестомъ въ рукахъ. Смѣлость святителя и блескъ церковныхъ ризъ такъ поразили язычниковъ, что они увѣровали во Христа.

Такой же смѣлый поступокъ содѣйствовалъ успѣху проповѣдническаго подвига князя Муромскаго Константина - Ярослава Святославича. Его переговоры со старѣйшинами города о крещеніи муромцевъ долго оставались безплодными, вызывая только ихъ озлобленіе. Оно однажды дошло до того, что они съ оружіемъ окружили княжій дворъ, съ намѣреніемъ изгнать или убить князя. Ярославъ вышелъ къ нимъ съ иконою Пресв. Богородицы въ рукахъ, и одинъ предсталъ предъ многонароднымъ безчисленнымъ множествомъ мятежниковъ. Это такъ подѣйствовало на нихъ, что они стали просить крещенія, и были вскорѣ крещены въ рѣкѣ Окѣ.

Совсѣмъ иначе кончилась проповѣдь преп. Кукни — просвѣтителя вятичей: онъ, послѣ многихъ мученій, былъ убитъ ими вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ Никономъ.

Много и иныхъ благочестивыхъ, боголюбивыхъ, христіанскихъ мужей смѣло шли довершать дѣло этихъ апостоловъ русскаго народа.

И мы видимъ, что распространеніе христіанства среди русскихъ племенъ было слѣдствіемъ долгой борьбы за убѣжденія и вѣру, слѣдствіемъ многихъ, вызванныхъ высокими побужде-

ніями, *волевыя усилии и подвиговъ* самоотверженныхъ русскихъ людей и жившихъ у насъ греческихъ святителей.

Въ трудные и тяжкіе годы жизни народной великихъ волевыхъ усилій потребовало и *сохраненіе* христіанства и вѣрность его заповѣдямъ. Порою русскіе люди, взятые въ плѣны половцами, понуждаемы были къ отреченію отъ Христа голодомъ и иными мученіями. Такъ случилось, напр., съ преподобнымъ Евстратіемъ и его сотоварищами по плѣну. Послѣ монгольскаго нашествія многіе князья и иные русскіе люди были замучены въ Ордѣ за вѣру. Прославились страданія стойкихъ поборниковъ православія — князей Михаила Черниговскаго, Василия Ростовскаго, Михаила Тверскаго и др. Особенно были ужасны мученія князя Романа Олеговича Рязанскаго: ему за нежеланіе отречься отъ христіанской вѣры, татары отрѣзали языкъ, заткнули уста и медленно изрѣзали по суставамъ всѣ члены его тѣла... Немало твердости необходимо было русскимъ людямъ также въ отстаиваніи православія противъ западныхъ враговъ: католиковъ и униатовъ. Славную память оставила по себѣ въ Западной и Юго-Западной Руси борьба святоименныхъ братствъ и доблестныхъ малороссійскихъ казаковъ.

И противъ какихъ бы враговъ ни приходилось бороться, несмотря на всѣ трудности, русскіе люди стояли въ православіи, по древнему выраженію, «крѣпко и неподвижно», «стоятельно и непреложно».

Христіанское одушевленіе и религиозное рвеніе русскихъ подвижниковъ и благочестивыхъ людей было въ тѣ вѣка такъ велико, что не могло ограничиться только распространеніемъ вѣры въ своемъ народѣ и ея обороной. Со временемъ, когда православіе укрѣпилось на Руси и вмѣстѣ стала расти государственная мощь Московской державы, ея сыны стали думать о просвѣщеніи христіанствомъ иныхъ нерусскихъ народовъ... Въ дремучіе лѣса и непроходимыя дебри, въ топучія болота и высокія горы, гдѣ встрѣчались еще идолопоклонники, мужественно отправлялись монахи и пустынники уговаривать язычниковъ, чтобы они кумирамъ не служили, «болванамъ» не молились по древнему обычаю и тризнь не творили идоламъ, а преклонили бы свой слухъ къ истинному православному ученію.

Самымъ знаменитымъ среди такихъ подвижниковъ былъ св. Стефанъ Пермскій, просвѣтитель зырянъ и изобрѣтатель ихъ азбуки. Онъ совмѣщаль въ себѣ великую ученость съ большой самоотверженностью. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ уничтожилъ обоготворявшуюся березу, ему грозила опасность смерти. Въ другомъ мѣстѣ, его хотѣли сжечь: уже наложили дровяной костеръ, самого исповѣдника окутали смолой, оставалось только запалить все зажженною лучиной. Однако, видя его смиреніе и безстрашіе, зыряне не рѣшились на этотъ

последній шагъ. Они даже заколебались въ своей враждѣ къ нему и нѣкоторые изъ нихъ начали просить его проповѣдать имъ о Христѣ.

Послѣ того, какъ св. Стефанъ обратилъ «старую» Пермь, обращеніе остальной Перми («великой») продолжалось его преемниками.

Епископъ Пермскій Питиримъ сумѣлъ обратить въ православіе племя Вогуличей, кочевавшихъ по притокамъ Печеры. Этого не могъ простить ему князь Вогуличей — Асыкъ. Онъ искалъ случая учинить мщеніе. Однажды, когда епископъ Питиримъ, совмѣстно съ обитателями города Усть-Выми, совершалъ крестный ходъ, Асыкъ внезапно напалъ на безоружную толпу; Богомольцы въ страхъ разбѣжались, а святитель былъ замученъ и убитъ язычниками.

На далекій сѣверъ, къ берегамъ Студенаго. Ледовитаго океана свѣтъ Христова ученія занесли дикимъ лопарямъ преподобные Θεодоритъ и Трифонъ. Θεодоритъ изъ Соловецкаго монастыря отправился на Мурманское побережье, и рѣкою Колою взошелъ вглубь страны. Онъ поднялся на высокія горы и устроилъ свое мѣстожительство въ дѣбряхъ пустынныхъ лѣсовъ. Тамъ прожилъ онъ долго съ другимъ пустынникомъ Митрофаномъ, питаясь суровыми плодами скупой сѣверной природы. Послѣ временнаго удаленія изъ страны онъ опять въ нее возвращался. Обѣзжая по трудно проходимымъ пустынямъ лопарскія избы-туны, вѣжи, шалаши и походныя куваксы, Θεодоритъ не устаню старался просвѣтить «лопъ» евангельскою проповѣдью.

Еще болѣе удивительна дѣятельность другого просвѣтителя лопарей — преп. Трифона. Онъ первое время своей проповѣди встрѣчалъ съ ихъ стороны сильное сопротивленіе. Ихъ жрецы-Кебуны вступили съ нимъ въ пренія. Чтобы понудить его удалиться отъ нихъ, лопари много разъ избивали его и съ угрозами обѣщались убить его; неоднократно даже приходили съ намѣреніемъ исполнить свое обѣщаніе. Скрываясь отъ преслѣдованія, онъ удалялся въ горы и ущелья, но потомъ опять возвращался, чтобы снова проповѣдывать.

Множество и другихъ исповѣдниковъ и сборниковъ православія сѣяло сѣмена среди сосѣднихъ съ Русью народовъ.

Иногда апостольское дѣло творили цѣлые монастыри, преодолевая многія прецятствія. Этимъ особенно замѣчательны напр., Соловецкій монастырь, занимавшійся обращеніемъ къ христіанству разныхъ финскихъ племенъ. Сосѣдніе корелы первоначально отнеслись непріязненно къ черноризцамъ и хотѣли ихъ вытѣснить съ Соловецкаго острова, и лишь постепенно иноки завоевали ихъ сердца...

Такъ *сильная воля*, выдержка, самоотверженная и неуклонная *вѣра въ правоту своихъ убѣжденій*, содѣйствовали постепенному распространенію Православія, а вмѣстѣ съ нимъ

и русской культуры, среди многих народов Восточной Европы и Сибири. Если первоначально на их пространствах, среди моря инородных и иноплеменных народов, христиане составляли ничтожную кучку, то постепенно, усилиями многих подвижников они оказались здѣсь въ большинствѣ, подавляющемъ своей численностью.

И эта свѣтлая побѣда Православія надъ язычествомъ ясно свидѣтельствуетъ, что русскій народъ въ теченіе вѣковъ умѣлъ выдѣлять изъ себя великановъ воли и духа, до смерти преданныхъ нагорному міру; умѣлъ побѣждать многіе народы не только силою оружія, но и *твердостью убѣжденіи и превосходствомъ своего духа и своей культуры*, растворяя ихъ въ своихъ мощныхъ нѣдрахъ, какъ неудержимая, всемогущая стихія.

М. В. Шахматовъ.

РУССКІЙ ПРОСТОРЪ.

При всей условности противоположенія Россіи и Европы, какъ двухъ различныхъ міровъ, въ одномъ отношеніи противоположеніе это совершенно основательно. Между «русскимъ просторомъ» и «балканизированной Европой» подлинно лежитъ мировая грань.

Въ Европѣ, обогащенной послѣдними мирными договорами. — 11 000 километровъ новыхъ границъ. 24 суверенныхъ государства, независимо другъ отъ друга творящихъ свою волю (островная Англія — не въ счетъ), 24 таможенныхъ стѣны, порою очень высокихъ, 24 политическихъ и экономическихъ партикуляризма на прострѣствѣ около 4 милліоновъ квадр. километровъ. Соотвѣтственно жизнь и творчество европейскихъ народовъ замкнуты въ болѣе или менѣе тѣсныя клѣтки, тщательнѣйшимъ образомъ отдѣленные другъ отъ друга паспортами, визами, таможенными тарифами и запретами, контингентами и свидѣтельствами о происхожденіи, — въ свою очередь добросовѣстнѣйшимъ образомъ провѣряемыми цѣлой арміей различно одѣтыхъ полицейскихъ и таможенныхъ чиновниковъ. И хотя обмѣнъ людьми за послѣдніе годы снова значительно облегченъ, все же для свободнаго хозяйствованія безконечное число пограничныхъ рогатокъ все еще служатъ весьма серьезной помѣхой, ложась, въ видѣ накладныхъ расходовъ, тяжелымъ бременемъ и на потребителя, и на производителя.

Напротивъ, русскій просторъ трудно уложить въ какія-либо клѣточки. Всею своею многовѣковой исторіей Россія показала свое отвращеніе къ государственной черезлолосицѣ и всепародную подсознательную тягу къ расширенію рамокъ для государственнаго творчества. И этотъ просторъ, по которому тоскуютъ.

которымъ болѣютъ не только оторванные отъ родины русскіе, но даже долго жившіе въ Россіи иностранцы, — является великою реальною цѣнностью.

Русскій просторъ есть прежде всего явленіе географическое, поскольку безбрежная равнина оказалась пространствомъ, отведеннымъ въ удѣлъ восточнымъ славянамъ. Но если правильно, что географія предопредѣлила русскую исторію, какъ ни у одной другой страны, то съ еще большимъ пожалуй правомъ можно сказать наоборотъ: русская исторія создала русскую географію. Ибо мы уже знаемъ, какихъ безчисленныхъ трудовъ потребовало освоеніе часто негостепріимныхъ пространствъ; какихъ потоковъ крови стоило русскому народу закрѣпленіе государственныхъ рубежей тамъ, гдѣ это было наиболѣе необходимо для хозяйственной безопасности и политической независимости *). Отсюда двойственное значеніе «русскаго простора»: какъ географически данной возможности, и какъ историческаго достиженія, закрѣпившаго эту возможность. Отсюда же и двоякая его расцѣпка: въ прошломъ и въ настоящемъ.

По началу этотъ безпредѣльный просторъ казался не возделаннымъ и благодатнымъ, а вынужденнымъ, навязаннымъ, и въ извѣстныхъ отношеніяхъ даже роковымъ для русскаго народа. И лишь тогда, когда безлюдье и бездушье пустырей понемногу наполнилось жизнью и культурой, — пространственная огромность Россійской Имперіи стала сама по себѣ положительнымъ факторомъ.

Россійское расселеніе по великой европейско-азиатской низменности часто сравниваютъ съ разлитіемъ жидкости, катящейся во всѣ стороны, пока на пути ея не встрѣтятся непреодолимая препятствія. Говорятъ также о русскомъ морѣ, разлившемся по безбрежной сухопутной равнинѣ. И то и другое сравненіе однако далеко не охватываетъ всей сложности многообразныхъ процессовъ, вызванныхъ основнымъ явленіемъ русской исторіи: *самоопредѣленіемъ въ пространство или внутренней колонизаціей.*

Разливаясь на подобіе жидкости, русская колонизаціонная волна встрѣчала на своемъ пути множество другихъ народностей и входила съ ними въ весьма разнообразныя взаимоотношенія. Но наряду съ этимъ основнымъ стремленіемъ на востокъ, на сѣверъ или на югъ, несоотвѣтствіе между охваченнымъ пространствомъ и численностью колонизирующаго ядра создавало въ предѣлахъ уже заселенной площади постоянныя передвиженія отдѣльныхъ группъ и лицъ съ мѣста на мѣсто. Долгое время, пока плотность населенія не достигла извѣстной высоты, пока не были прочно прибраны къ рукамъ всѣ болѣе или менѣе привлекательныя по своимъ свойствамъ и по своей безопасности

*) См. мои статьи: «Войны Россіи», «Русскій Колоколь», № 3 и «Русская колонизація», «Русскій Колоколь», № 5.

мѣста, русское населеніе, даже уже ставшее земледѣльческимъ, оставалось все же полу-осѣдлымъ. Кочевали долгое время князья, передвигаясь изъ удѣла въ удѣлъ. За ними слѣдомъ кочевали ихъ дружины и служилые люди. Кочеваль и земледѣлецъ, долго не привязывавшійся къ разъ занятому участку земли и легко переходившій на другіе. Отсюда уже упоминавшіяся мѣры по закрѣпленію, закрѣпощенію крестьянъ, отсюда русская «крѣпостная зависимость», которая, однако, была не въ силахъ совершенно пріостановить, а только ввела въ извѣстныя рамки процессъ безконечнаго и непрерывнаго самораспредѣленія-передвиженія, происходившаго по русской поговоркѣ: — «рыба ищетъ гдѣ глубже, а человекъ, гдѣ лучше». Искатели лучшей доли стали бѣжать отъ надвигавшагося крѣпостнаго закрѣпленія еще дальше: на сѣверъ — въ *лѣса*, на востокъ — въ *Сибирь* и на югъ — въ *степь*.

Вся русская исторія есть многовѣковое, непрерывное движеніе на огромномъ пространствѣ. А такъ какъ оно не только шло по поверхности, но и создавало подпочвенныя волны взаимныхъ отталкиваній, притяженій, сліяній и разрывовъ среди тѣхъ массъ, группъ и отдѣльныхъ лицъ, какія оказывались въ него вовлечены, то движеніе это являлось въ то же время многосложнымъ внутреннимъ процессомъ. Одинъ вдумчивый иностранецъ, познакомившись съ Россіей, сказалъ по этому поводу: — «Россія есть процессъ. Россія представляетъ собой одинъ огромный процессъ эволюціи».

Да, Россія есть движеніе. Историческое движеніе милліоновъ, ищущихъ «гдѣ лучше» на протяженіи десятка вѣковъ. Въ этомъ движеніи житель сѣвера нерѣдко попадалъ на югъ, а обитатель западной Россіи на далекій востокъ, причемъ каждый переносилъ съ собой на новую почву и въ новыя условія прежніе навыки и привычки. Въ этомъ движеніи восточный славянинъ сталкивался и сливался съ финномъ, татаринномъ, латышемъ, полякомъ, литовцемъ, грузиномъ, башкиромъ и пр. И отъ столкновенія ихъ происходилъ каждый разъ какой-то неуловимый въ отдѣльности, но несомнѣнно существенный, внутренний сдвигъ. Такимъ образомъ, не только на поверхности, но и въ глубинѣ образовывались волны различныхъ почвенныхъ, климатическихъ, племенныхъ и хозяйственныхъ воздѣйствій. И если это происходило у каждаго народа *впередъ до осѣданія на занятой территоріи*, то у совокупности народностей, образовавшихъ Россійскую Имперію и еще окончательно не осѣвшихъ, эти процессы растянулись на много вѣковъ и *до сихъ поръ еще не закончились*. Россія все еще — движеніе.

Движеніе это напоминаетъ какой-то сложный химическій процессъ въ огромной ретортѣ, въ которую постепенно то подкладываютъ новыя вещества, то повышаютъ температуру. Въ нормальныхъ условіяхъ трудно уловить въ немъ передвиженіе

отдѣльныхъ частицъ. Но, благодаря потрясеніямъ, внесеннымъ революціей, мы въ состояніи замѣтить ихъ даже невооруженнымъ глазомъ современника. Принято, на примѣръ, говорить о совершившемся во время революціи «соціальному землетрясенію» въ Россіи. Съ такимъ же основаніемъ можно говорить о стихійныхъ національныхъ сдвигахъ и даже о чисто механическихъ стихійныхъ передвиженіяхъ изъ губерніи въ губернію, какъ было подъ вліяніемъ голода въ 1921 г., когда населеніе отхлынуло отъ голодающаго Поволжья.

Въ обычное время, когда сложный русскій процессъ проходилъ какъ бы невидимымъ, онъ медленно, но неуклонно создавалъ какія-то органическія сцѣпленія, и только теперь, попавъ въ полосу кипѣнія и взрывовъ, онъ влечетъ за собой явленія бурнаго разложенія, изъ которыхъ со временемъ, несомнѣнно произойдутъ новыя соединенія. Отсюда первое и главное свойство русскаго простора, російской пространственности: она способствовала въ прошломъ созданію множества *порою невидимыхъ* (какъ химическія соединенія, образующія воздухъ) *органическихъ сцѣпленій и связей: связей племенныхъ, духовныхъ и хозяйственныхъ.*

Другое свойство, порождающее какъ бы «отраву» русскимъ просторомъ (отмѣчаемую нынѣ у многихъ иностранцевъ, жившихъ въ Россіи), заключается въ томъ, что само пространство, какъ возможность, какъ точка приложенія для творческихъ силъ населенія, породило благодаря необъятности своей знаменитыя русскія «неограниченныя возможности». «Балканизация» создаетъ опредѣленныя, иногда довольно тѣсныя грани для приложенія предпріимчивости. За этими гранями — барьерами — начинаются другія условія, другой бытъ, особыя мѣры по охранѣ отъ иностранной конкуренціи, особыя законы и формальности. При балканизации всѣ возможности становятся ограниченными, заранѣе точно взвѣшенными и для хозяйственнаго соревнованія остается сравнительно незначительное поле. Наоборотъ, въ Россіи, при ничѣмъ не разграниченной огромности площади, создаются въ полномъ смыслѣ слова неограниченныя возможности для приложенія силъ. Дальше мы увидимъ, какъ это сказывается въ области хозяйственной географіи. Здѣсь же необходимо лишь отмѣтить въ общей формѣ *материальную выгоду и духовную привлекательность* такой свободы выбора для приложенія самыхъ разнообразныхъ силъ и способностей, создающихъ представленіе о манящемъ русскомъ привольѣ. Всякій предпріимчивый и толковый иностранецъ, прилагая въ Россіи такое же усиліе, какъ у себя на родинѣ, получалъ во много разъ большую выгоду и нравственное удовлетвореніе. Неограниченныя возможности приносили въ случаѣ ихъ маломальски умѣлаго использованія далеко выходящую за обычныя европейскія рамки пользу. Такъ пространство, русскій просторъ, становился *факторомъ благополучія.*

Правда, наступило это далеко не сразу: пока пространство оставалось незаполненнымъ и неосвоеннымъ, оно являлось *угрозой, источникомъ слабости и беззащитности* — отъ лихого человѣка и хищнаго звѣря, отъ неожиданнаго и невѣдомаго набѣга или одиночнаго нападенія. И до сихъ поръ еще житель безконечныхъ равнинъ оказывается незащищеннымъ отъ прирѣды и въ частности отъ вѣтровъ, которые, дуя почти безъ помѣхъ отъ Архангельска до Крыма и отъ Самарканда почти до Карпатъ, нерѣдко разбиваютъ все его хозяйственные расчеты. Такъ знойная, засушливая мга, проникающая изъ средне-азіатскихъ пустынь до Поволжья, является постоянной угрозой русскому земледѣлю. Въ этомъ отношеніи естественныя горныя преграды, задерживая зной и ледяные вѣтры, куда болѣе благоприятствуютъ производительному труду въ Средней Европѣ.

Но эта же пространственная ширь, будучи такъ или иначе преодолѣна и освоена русскимъ человѣкомъ, будучи связана путями сообщенія, привела съ теченіемъ времени къ тому, что Россія заполнившая свою равнину, оказалась чисто географически «единой и недѣлимой». Въ самомъ дѣлѣ, по какимъ, сколько нибудь рѣзко очерченнымъ гранямъ, можно было бы намѣтить естественныя «территориальныя линіи раздѣла» Россіи? — По бассейнамъ рѣкъ, водораздѣламъ? По приравненности и слабому паденію рѣкъ текущихъ нерѣдко въ расходящихся направленіяхъ, признакъ этотъ для Россіи недостаточно отчетливъ. По растительности (лѣсъ-степь) дѣленіе было бы еще условнѣе. Такая естественная *природная недѣлимость*, вытекающая изъ равнинности Россіи, и является главной основой *органическаго сцѣпленія* ея отдѣльныхъ частей. Ибо, при тѣсной взаимозависимости между этнографіей и географіей, народы и народцы, вошедшіе въ составъ Россійской Имперіи, ничѣмъ другъ отъ друга не отдѣленные, должны были войти между собой въ *болѣе тѣсное общеніе*, чѣмъ раздѣленные морями и горами жители Европы.

Однимъ изъ основныхъ законовъ біологіи является измѣненіе животныхъ видовъ въ силу приспособленія къ различной обстановкѣ и средѣ. И вотъ, трудно найти болѣе непрерывную площадь распространенія, чѣмъ Россійскія равнины и особенно ложныя степи. Естественно, что если на нихъ водится множество подвидовъ *животныхъ*, то еще болѣе велико, — въ силу большей чувствительности къ средѣ, — количество этническихъ подвидовъ и у обитающихъ тамъ *двуногихъ людей*. Другими словами, при болѣе или менѣе сплошномъ заселеніи и при постоянномъ общеніи населенія дѣйствіе русскаго простора-равнинности должно было постепенно и неизмѣнно сказаться въ *сглаженіи племенныхъ обособленностей и устраненіи рѣзкихъ отличій*. И если трудно раздѣлить Россію на рѣзко обособленные *географическіе* районы, — то еще пожалуй труднѣе распредѣлить по какимъ либо кучкамъ, рѣзко отличнымъ

и обособленнымъ, разнообразное и вмѣстѣ съ тѣмъ сливающееся *населеніе* Россійскихъ равнинъ. Напротивъ, въ гористой Швейцаріи, — всякій внимательный путешественникъ навѣрное обращалъ на это вниманіе, — сплошь и рядомъ у входа въ туннель приходится видѣть одинъ людскій типъ, слышать одинъ говоръ, а у выхода, на разстояніи немногихъ верстъ, совершенно чуждый первому.

Если непогодіе вѣтры-вредители всюду проникаютъ безъ помѣхъ, то и для *духовныхъ теченій* Россійски просторъ служилъ проводникомъ, облегчавшимъ органическіе процессы племенныхъ сближеній. Русскій колонизаціонный потокъ разливался по равнинамъ точно потокъ какой то жизненной лавы, которую ничто не могло остановить до тѣхъ поръ, пока она не докатилась до Тихаго океана и горныхъ хребтовъ по Китайской границѣ. Естественно, что встрѣченныя имъ на своемъ пути народности, находившіяся къ тому же на низшей ступени развитія, не могли противостоять этому длительно-упорному натиску и отстоять свою племенную независимость. Въ большей или меньшей степени онѣ оказались или *поглощенными* русской стихіей или ею *пронитанными*, оставивъ въ то же время свои слѣды въ образованіи сложнаго «русскаго типа»*). Поскольку, слѣдовательно, рѣчь идетъ о народахъ, встрѣченныхъ русской колонизаціей на своемъ пути, можно сказать, что географическая цѣльность Россіи способствовала и параллельному установленію *органической племенной связанности*. Въ самомъ дѣлѣ, кто сможетъ сейчасъ провести рѣзкія племенные грани между широководной рѣкой русской народности и тѣми различными племенными притоками, изъ которыхъ она образовалась? Кто дастъ точный племенной анализъ «русскаго типа», впитавшаго въ себя множество инородныхъ элементовъ отъ скандинавовъ-германцевъ до монголовъ-татаръ? А если такъ, то можно ли сомнѣваться въ *органичности* процессовъ, вызванныхъ къ жизни великимъ Россійскимъ расселеніемъ — основнымъ фактомъ нашей исторіи?

Итакъ русскій просторъ. — равнинность. — чисто біологически способствовала *племенной спайкѣ* различныхъ народностей, волею судебъ вовлеченныхъ въ русскій водоворотъ. Стойкость же русскаго національнаго самосознанія, обнаруживалась еще на зарѣ нашей исторіи (лучшій примѣръ: привязанность къ русскости отдѣленной отъ основнаго ядра около десяти столѣтій Угорской Руси). — способствовала установленію, наряду со стихійными, подсознательными сдѣвленіями.

*) Каждое финское или монгольское племя, поглощаясь русскою народностью, какъ бы распускалось, таяло въ ней и такое претвореніе азиатскаго элемента и составляло цѣнное приобрѣтеніе для великой семьи европейскихъ народовъ». (Проф. Шмурло, «Введете въ русскую исторію», стр. 138).

также *волевыми, сознательными* объединеній оторванных было другъ отъ друга вѣтвей единого русскаго народа.

Такъ понемногу заполнялись Россійскія пространства живой творящей силой и, заполняясь ею, постепенно оживали. Процессъ этотъ происходилъ медленно, ибо запасы русской живой силы совершенно не соотвѣтствовали огромности тѣхъ площадей, какія они были призваны заполнить. Россія и понынѣ остается странюю очень рѣдкаго населенія*). Понынѣ остается еще множество незаполненныхъ пространствъ, ждущихъ своихъ колонистовъ; множество возможностей, еще неиспользованныхъ за отсутствіемъ живой силы. Но все же давно изжито время, когда пустышность безпредѣльнаго русскаго простора являлась угрозой, опасностью, источникомъ слабости. Съ оживленіемъ пустырей русская огромность сама по себѣ, даже независимо отъ природныхъ богатствъ въ ней сокрытыхъ, стала силой, о которую разбились враги Россіи.

Соотвѣтственно манящій и чарующій русскій просторъ, исторически сыгравшій столь важную роль при формированіи національнаго ядра, — сталъ источникомъ и основой *безопасности* для государства Россійскаго.

Б. А. Никольскій.

Ж е н е в а.

---

*) Плотность населенія въ Россійской Имперіи наканунѣ революціи (1916 г.) составляла въ среднемъ на 1 кв. версту 9,5 человѣкъ. (Европейская Россія—31,0; Сибирь—0,9; Средняя Азія—3,6). Ниже Россіи стояла только Норвегія съ 8,1 чел. на квадр. килом., въ то время какъ въ Германіи насчитывалось 127,7; въ Англии—157,9 и Бельгіи—273,1 чел. на квадр. километръ.

I. КТО ПРАВИТЬ ВЪ РОССИИ?

Въ Россіи правятъ коммунисты. Что это за люди? Каковъ ихъ умственный и нравственный уровень? Понимаютъ ли они, что они творятъ? Имѣется ли у нихъ хотя бы элементарное чувство отвѣтственности? И, если нѣтъ, то чего же можно ждать отъ нихъ? — Будетъ справедливѣе всего, если мы представимъ *самимъ коммунистамъ* отвѣтить на эти вопросы, не упуская, конечно, изъ вида, что тѣ нравственные и умственные мѣрила, которыя они прилагаютъ къ себѣ и къ своимъ сторонникамъ очень невысоки и соотвѣтствуютъ природѣ ихъ души и ихъ дѣла. Это есть судъ *своихъ* надъ *своими*. Дѣйствительность можетъ быть только *хуже* отзывомъ.

Вотъ отзывы Ленина за послѣдніе годы его вмѣняемости (1921—1923)*).

Коммунисты захватили власть въ Россіи, совершенно не подготовленные ни къ государственному управленію, ни къ веденію хозяйства. Это были подпольные «интеллигенты», «старые нелегалы», «коммунистическіе литераторы» и «профессиональные журналисты» (Ленинъ. Сочиненія, томъ XVIII, часть I, стр. 56, 82), привыкшіе разговаривать, писать партійныя статьи и сидѣть по тюрьмамъ. «Насъ въ тюрьмахъ торговать не учили! А воевать насъ въ тюрьмахъ учили? А государствомъ управлять въ тюрьмахъ учили? А примирять различные паркоматы и согласовать ихъ дѣятельность?.. Нигдѣ насъ этому не учили» (томъ XVIII, ч. I, стр. 4). Отсюда всеобщее, повальное неумѣніе вести дѣла. «Отвѣтственные коммунисты въ 99 случаяхъ изъ 100 не на то приставлены, къ чему они сейчасъ пригодны, *не умѣютъ вести свое дѣло* и должны сейчасъ учиться» (XVIII, ч. II, стр. 53). Необходимо «воспитаніе насъ самихъ» къ «изученію практическаго опыта», къ «дѣловой провѣркѣ» и «дѣловитому исправленію» (XVIII, ч. I, стр. 56). «Буржуазные дѣятели знаютъ дѣло *лучше, чѣмъ наши лучшие коммунисты*, имѣющіе всю власть, всѣ возможности и *ни одного шага не умѣющіе дѣлать со своими правами и со своей властью*» (XVIII, ч. II, стр. 40). Именно поэтому буржуазные спенсы могутъ дурачить коммунистовъ: «если сколько-нибудь опытный саботажникъ встанетъ около того или иного коммуниста или у обоихъ по очереди и поддержитъ ихъ — тогда конецъ. Дѣло погибло навсегда» (XVIII, ч. II, стр. 45). Поэтому, «*построить коммунистическое общество руками коммунистовъ — это ребячья, совершенно ребячья идея*»; «управлять хозяйствомъ мы сможемъ тогда, если коммунисты сумѣ-

* Отзывы приводятся дословно; совѣтское «правописаніе» исправлено; курсивы внесены нами. Редакція.

ють построить это хозяйство *чужими руками*, а сами будут учиться у этой буржуазии и направлять ее по тому пути, по которому хотять» (тамъ же, стр. 41). Способность коммунистовъ путать, мучать, развращать и убивать людей общеизвестна; но управлять и хозяйствовать они не умѣютъ. «Что такое наши засѣданія и комиссіи? Это очень часто игра» (тамъ же, стр. 15); «у насъ направо и налево махаютъ приказами и декретами и выходятъ совсѣмъ не то, чего хотять» (тамъ же, стр. 40); надо «поменьше играть въ администрированіе» (XVIII, ч. I, стр. 87) и «научиться бороться съ волокитой» (ч. II, стр. 15); ибо «волокига и взятки» это «такая болячка, которую никакими военными побѣдами и никакими политическими преобразованіями нельзя вылѣчить» (XVIII, ч. I, стр. 383). Также обстоитъ дѣло и въ веденіи хозяйства: «мы доказали съ полною ясностью, что хозяйничать мы не умѣемъ»; «отвѣтственные и лучшіе коммунисты — хуже рядового капиталистическаго приказчика» (часть II, стр. 28—29); «у всѣхъ работниковъ партіи и профсоюзовъ достаточнаго производственнаго воспитанія нѣтъ» (тамъ же, стр. 56); «на хозяйственной работѣ нужно... известное скопидомство; а вотъ скопидомничать-то мы еще не научились» (тамъ же, стр. 94); коммунисты «не заботятся о томъ, чтобы сберечь копѣйку, которая имъ дана..., а составляютъ планы на миллиарды и даже трилліоны совѣтскіе» (ч. II, стр. 16); «у насъ живую работу замѣняютъ интеллигентскимъ и бюрократическимъ прожектерствомъ» (ч. I, стр. 86); «до какой степени мы (въ торговлѣ) дьявольски неповоротливы, мѣшковаты!» (ч. II, стр. 36); «а кушцы надъ коммунистами смѣются — раньше были главноуговаривающіе, а теперь главноразговаривающіе» (тамъ же стр. 37).

Въ основѣ всего этого, по мнѣнію Ленина, лежитъ личная непорядочность и массовая некультурность коммунистовъ. «Чтобы вылѣзти изъ отчаянной нужды и нищеты, для этого надо быть обдуманнѣмъ, культурнѣмъ, порядочнѣмъ», а этого коммунисты «не умѣютъ» (ч. II, стр. 45). «Въ чемъ наша сила и чего намъ не хватаетъ?.. Не хватаетъ культурности тому слою коммунистовъ, который управляетъ» (тамъ же, стр. 39. 44, 17); «если взять Москву — 4 700 отвѣтственныхъ коммунистовъ — не оказались ли (они) подчиненными чужой культурѣ, какъ побѣжденный свою культуру навязываетъ завоевателю?»*) Правда, «культура у побѣжденныхъ мизерная, ничтожная, по все же она больше, чѣмъ у насъ, какъ она ни жалка, ни мизерна, но она больше, чѣмъ у нашихъ отвѣтственныхъ работниковъ-коммунистовъ» (ч. II, стр. 39—40). «Образованіе въ нашей странѣ минимальное», восклицаетъ Ленинъ

*) Подъ «чужой культурой» «культурой побѣжденныхъ» Ленинъ разумѣетъ русскую, національную, дореволюционную культуру; «побѣдители» и «завоеватели» суть коммунисты.

(ч. II, стр. 90), «намъ необходимо прежде всего учиться читать, писать и понимать прочитанное» (тамъ же, стр. 93). «Мы люди вродѣ того, какъ бы полудикіе» (ч. I, стр. 382). И затѣмъ, приведя, тономъ неслыханнаго открытія, общеизвѣстную статистику низкой грамотности въ Россіи, Ленинъ заключаетъ: «а мы болтали о пролетарской культурѣ»... (тамъ же, стр. 105).

При этомъ низкомъ умственномъ и нравственномъ уровнѣ коммунисты отличаются крайне повышеннымъ самочувствіемъ: Ленинъ не разъ отмѣчаетъ, «невѣжественное самомигніе» коммунистическихъ «сановниковъ», «интеллигентское самомигніе коммунистическихъ литераторовъ», ихъ пристрастіе къ «мишурѣ, торжественному коммунистическому облаченію», ихъ «коммунистическое чванство» (XVIII, ч. I, стр. 82, 384, ч. II, стр. 37). При всемъ томъ Ленинъ подчеркиваетъ, что хотя среди коммунистовъ и имѣется множество «мазуриковъ, обюрократившихся, нечестныхъ, нетвердыхъ», такихъ, «которые внушаютъ отвращеніе человѣку, въ потѣ лица снискивающему себѣ хлѣбъ» (ч. I, стр. 360—361) и хотя число такихъ измѣряется сотнями тысячъ (ч. I, стр. 383), все же въ общемъ, это «лучшіе представители пролетаріата теперь управляютъ Россіей» (тамъ же, стр. 356); такимъ образомъ, все, что приведено выше, характеризуетъ именно *лучшихъ*.

Понятно, что основная затѣя коммунистовъ: передать всю политическую, хозяйственную, культурную и общественную жизнь страны въ вѣдѣніе диктаторски настроенныхъ чиновниковъ — затѣя противоестественная и нелѣпая сама по себѣ — получаетъ особенно нелѣпый и гибельный характеръ вслѣдствіе такого *качества* партійно-человѣческаго матеріала. Въ своихъ трехъ предсмертныхъ рѣчахъ*) Дзержинскій особенно ярко охарактеризовалъ вырастающіи изъ всего этого бюрократизмъ, безхозяйственность и мертвящую механичность коммунистическаго управленія.

Протоколы коммунистическихъ съѣздовъ, газеты и журналы, мемуары и письма самихъ коммунистовъ всецѣло подтверждаютъ оцѣнку, данную Ленинымъ и Дзержинскимъ.

Коммунисты необразованы, малограмотны, некультурны. «Общій *теоретическій* уровень этой основной массы членовъ нашей партіи чрезвычайно низокъ» (Зеленскій. Стенограмма XI съѣзда Ком. Партіи, стр. 361, 397; Рязановъ, XIV. 691 **);

*) Въ полѣ 1926 года. Ихъ можно получить въ отдѣльномъ изданіи за 20 совѣтскихъ копѣекъ.

**) Въ дальнѣйшихъ ссылкахъ фамилия обозначаетъ цитируемаго оратора; римская цифра обозначаетъ съѣзды коммунистической партіи; арабская цифра — страницу стенографическаго отчета. Время созыва этихъ съѣздовъ: XI — мартъ, апрѣль 1922 г.; XII — апрѣль 1923 г.; XIII — май 1924 г.; XIV — декабрь 1925 г.; XV — декабрь 1927 г.; XVI — долженъ былъ быть созванъ въ 1929 г., но былъ отложенъ.

таковъ же «уровень *политической* подготовки» (Резолюція XI съѣзда, стр. 525). «Товарищи не знаютъ азбуки коммунизма» (Зиновьевъ, XI, 363); но это еще полъ бѣды: среди нихъ множество просто безграмотныхъ, что Троцкіи приравниваетъ «духовной вшивости» (XI, 262). Количество *политически* неграмотныхъ коммунистовъ исчисляется въ 50—70% всего партійнаго состава (Югинъ, XII, 69; Сталинъ XIII, 125, 132; Гнущенко XIII, 194); у комсомольцевъ до 67% (Бухаринъ, XIII, 549). Количество *совѣтъ безграмотныхъ* достигаетъ въ деревенскомъ комсомолѣ 80—90% (Бухаринъ, XIV, 823; срв. Зиновьевъ XI, 448); однако и грамотный комсомольскій не учится и «поголовно совершенно ничего не читаетъ» (Бухаринъ XIII, 549).

Плохо обстоитъ дѣло и на верхахъ партіи. На партійныхъ съѣздахъ, гдѣ присутствуетъ обычно весь партійный верхъ (1000—1500 человекъ), преобладаетъ масса съ низшимъ образованіемъ: напр., на XIII съѣздѣ было 66,8% делегатовъ съ низшимъ образованіемъ; 17,9% со среднимъ; 6,5% съ высшимъ (Кагановичъ, XIII, 558). При этомъ делегаты, конечно, были склонны преувеличивать, а не преуменьшать свой стажъ. Отсюда понятны эти вѣчныя жалобы на «катастрофическій недостатокъ квалифицированныхъ силъ» (Резолюція XIII, 715; срв. Курскій, XIV, 92 и др.); ибо «для того, чтобы руководить той или другой губерніей, величиной почти въ цѣлую европейскую страну, тутъ нужны крупныя силы, крупные руководители» (Зиновьевъ, XIV, 461), а гдѣ ихъ взять?.. Когда даже въ рабочемъ профессиональномъ движеніи коммунистическіе организаторы «смыслятъ меньше, чѣмъ нѣкоторое животное въ тѣхъ ашельскихъ, которыхъ такъ мало въ совѣтской Россіи» (Рязановъ, XI, 234). Поистинѣ, «нужна высокая квалифікація для того, чтобы руководить милліонами» (Бухаринъ, XIV, 821), а у коммунистовъ, съ самаго начала лишенныхъ «культурныхъ и техническихъ силъ» (Орджоникидзе XV, 396), уровень все падаетъ и падаетъ, ибо старшее поколѣніе, чему-то съ грѣхомъ пополамъ учившееся въ дореволюціонной Россіи, сходитъ со сцены, а комсомольская «смѣла» растетъ невѣжественная и карьеристически настроенная: «скорѣе получить мѣсто», «быть забронированной», получить «цѣлый рядъ добавочныхъ развлеченій», — вотъ ихъ желанія (Бухаринъ, XIII, 549). И Крупская-Ленина несомнѣнно права, утверждая, что «отъ вступленія въ комсомольскій парень не дѣлается всевѣдущимъ» (XIII, 486). Вотъ почему «укрѣплять теоретическій уровень» въ партіи некому (Зеленскій, XI, 398); вотъ почему «коммунисты, работающіе въ пашихъ учрежденіяхъ» «никоимъ образомъ» «не могутъ пользоваться авторитетомъ среди рабочихъ», «они не могутъ быть руководителями и поднимать обще-культурный уровень нашихъ ячеекъ» (Зеленскій, XI, 399); вотъ откуда эти безграмотные приказы, идущіе

ніе изъ сталинскаго секретаріата центральнаго комитета партіи (Ногинъ, XI, 60); отсюда же и безграмотность въ совѣтской прессѣ (Яковлевъ, XI, 376). Таковы же и самые видные коммунисты, за исключеніемъ нѣсколькихъ людей. «Невѣжественные вы люди!» кричитъ Рязановъ Томскому, не вынесши его развязно преподносимыхъ грубыхъ ошибокъ (XIV, 798). Вотъ правая рука Сталина, Орджоникидзе, не умѣющій отличить гражданскаго права отъ уголовнаго (Крыленко XV, 546); вотъ предсѣдатель московскаго совѣта Углановъ ѣдетъ революціонизировать Германію, но читать по-нѣмецки не умѣетъ (Углановъ, XV, 722)... Всѣ эти вожди подписываютъ доклады спещовъ и хозяйственниковъ, не читая: «мы не знаемъ, что дѣлаемъ а знаютъ это другіе и бумаги въ нашихъ портфеляхъ» (Дзержинскій, Рѣчь 9 іюля 1926 г., стр. 34): «наши отвѣтственные работники, въ томъ числѣ и паркомы — слишкомъ много подписываютъ чужого и очень мало вносятъ своего» (Рыковъ, XV, 1044); они говорятъ на съѣздахъ по пиаргалкамъ, которыя наканунѣ выпрашиваютъ у спещовъ, «чтобы нѣсколько ориентироваться» (Кржижановскій, XIII, 417), и, руководя хозяйственными организаціями, они «въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ техническаго образованія», чѣмъ и «вносятъ въ дѣло полную безотвѣтственность» (Рыковъ, XV, 1043).

Моральный уровень коммунистовъ значительно ниже умственнаго. Можетъ ли быть иначе, если при партійныхъ чисткахъ и провѣркахъ за «чуждымъ» «хотя бы и честнымъ» элементомъ «охотятся» «больше, чѣмъ за жуликомъ»? (Шкирятовъ, XI, 334). Это означаетъ, что честныхъ людей терять въ коммунистической партіи лишь постольку, поскольку ихъ душевный уровень позволяетъ имъ быть фанатическими коммунистами. Въ коммунисты соответвенно идутъ или люди духовно и хозяйственно слѣпые, или же безъ совѣсти. «Мы съ вами, товарищи, ребята стрѣляные» (Ларинъ, XII, 101; срв. XIV, 508); «шкуры у насъ дубленныя» (Камелевъ, XIV, 245). Эти люди отличаются «неумѣніемъ работать, чванствомъ, грубостью, хамствомъ, некультурностью» (Вардинъ, XI, 401): обычно это «командиры, диктаторы, стремящіеся создать себѣ карьеру, накопить политическій капиталъ» (Сахатъ-Мурадовъ, XIV, 606); «мы всѣ себя чувствуемъ руководителями, обязательно руководителями, на мелкую работу идти коммунисты не хотятъ» (Афанасьевъ, XV, 442); они изо всѣхъ силъ держатся за свои, взятыя съ боя, мѣста (Бѣленькій, XII, 108); и когда передъ XIV съѣздомъ Зиновьевъ имѣлъ неосторожность сказать, что «народная масса въ наши дни мечтаетъ о равенствѣ» (Углановъ, XIV, 194), то коммунисты прежде всего испугались за свои оклады (Калининъ, XIV, 319), квартиры и автомобили (Зиновьевъ, XIV, 443). «Хищенія, злоупотребленія и безхозяйственность» этихъ людей въ «госаппаратѣ» Куйбышевъ не взялся описывать: «вышло бы слишкомъ много» (XIII, 303):

одни обогащаютъ своихъ родственниковъ (Куибышевъ, XIII, 305), другіе поддерживаютъ связи съ шайками бандитовъ и налетчиковъ (Молотовъ, XV, 1084); бывають такіе случаи, что въ центральномъ органѣ, завѣдующемъ внѣшней торговлей «вычищаются» за злоупотребленія *всѣ* коммунисты (Сталинъ, XIII, 121). Они проповѣдуютъ «насчетъ изъятія» церковныхъ цѣнностей, а сами «напяливаютъ на себя», и «цѣпочки» у нихъ «блестятъ» (Кутузовъ, XI, 407). Словомъ, это люди, которые по выраженію Юффе (записка, написанная передъ самоубійствомъ) — «на все способны» (Ярославскій, XV, 356)...

Вся эта оцѣнка отчетливѣе всего выражена у Красина, ихъ исконнаго сотрудника, кассира и посла. «Болтунами они были и болтунами остались, а когда дѣло шло не о томъ, чтобы произносить рѣчи и громить статьяи, а что-то создать, эти строгіе вожди мірового пролетаріата только и пригодились на то, чтобы совершенно безъ надобности, бессмысленно и жестоко проливать кровь (своихъ согражданъ)» (письмо отъ 11 іюля 1917 г.). «Такъ велико невѣжество на верхахъ, такъ плохо ведутся дѣла, что теряю всякую надежду» (письмо отъ 21 сентября 1922 г.). «Небольшая группа лошаковъ и идиотовъ уничтожила все, что я сдѣлалъ, точно мальчишья смахнувшій всю ткань наука (письмо отъ 8 октября 1922 года). «До октябрьской революціи никто изъ нихъ не былъ извѣстенъ ни какъ выдающійся писатель, ни какъ экономистъ или ученый или что-либо другое въ умственномъ и художественномъ мірѣ» (письмо безъ числа). «Всѣ переживаемыя нами трудности истекають изъ того факта, что компартія состоитъ на 10% изъ убѣжденныхъ идеалистовъ, готовыхъ умереть за ея идеалы, но не способныхъ жить для нихъ, и на 90% изъ подхалимовъ, вступившихъ въ партію только съ цѣлью устроиться» (заявленіе въ центр. комитетѣ коммунистической партіи).

Справедливость требуетъ прибавить, что если есть среди коммунистовъ «убѣжденные идеалисты», то убѣжденія ихъ несутъ униженіе и гибель всему человѣчеству, а «идеализмъ» ихъ свирѣлъ и амораленъ. Но бороться за міровую власть они умѣють не только на словахъ.

Редакція.

II. ПРАЖСКІЕ РУССКІЕ КУРСЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Русскіе курсы для дѣтей, существующіе въ Прагѣ при Русской Академической Группѣ, возникли въ декабрѣ 1925 года. Ихъ начало не было связано съ какими либо заботами русскихъ организацій, вѣдающихъ образованіемъ и воспитаніемъ дѣтей. Они были призваны къ жизни сознаниемъ нѣсколькихъ русскихъ женщинъ, сознаниемъ того, что ихъ дѣти *должны быть сохранены для Россіи*, несмотря на все вліяніе — какъ ино-

странной школы, въ которой они учатся, такъ и впечатлѣній отъ жизни другого народа, среди котораго они живутъ. Эти дѣти учились во французской школѣ Праги. Для того, чтобы они остались русскими и по своему родному языку, и по своему сознанию, по тѣмъ сознательнымъ и безсознательнымъ чувствамъ и мыслямъ, которыя создаютъ національное самоопредѣленіе человѣка, необходимо было дать дѣтямъ знаніе языка, исторіи и родного быта Россіи. Нужно было не только дать имъ это знаніе, но и устроить соответствующую среду, вліяніе которой сохраняло бы ихъ для родины. Было начато преподаваніе Закона Божія, русскаго языка, русской исторіи и жънія русскихъ пѣсенъ. Велось оно первоначально на частныхъ квартирахъ. Преподаватели несли свой трудъ безвозмездно. Но для бесплатной работы необходимо было, чтобы лица, привлекаемая къ преподаванію, имѣли хотя бы какія нибудь средства существованія, ибо отдавать трудъ бесплатно, могли, конечно, лишь люди, имѣвшіе что ѣсть и во что одѣться. И преподаваніе русскаго языка оказалось невозможнымъ безъ его оплаты. Для нея и для мелкихъ расходовъ родители учащихся обложили себя ежемѣсячными сборами по пяти чешскихъ коронъ*). Учебныя занятія были организованы по типу групповыхъ частныхъ уроковъ. Но число учащихся росло. Въ январѣ ихъ было уже 14. Въ виду этого родители, собравшись 14 февраля 1926 г., рѣшили, что необходимо создать маленькую школу, и возложили завѣдываніе ею на пиущаго настоящія строки. Такимъ образомъ частныя групповыя уроки превратились въ зародышъ маленькаго свособразнаго учебнаго заведенія, созданнаго родителями. Въ помощь завѣдующему были избраны три матери — для надзора за дѣтьми во время ихъ пребыванія въ школѣ, при чемъ одна изъ нихъ должна была также вести и ея нелегкое, по отсутствію средствъ, хозяйство. Учебныя занятія были перенесены въ комнату для собраній, предоставленную школѣ домою, въ которой жило большинство семей, пославшихъ своихъ дѣтей въ школу. Но отопленіе и уборка этой комнаты поглотили всѣ денежныя средства, собираемыя путемъ взносовъ родителей. Преподаваніе русскаго языка оплачивать стало уже нечѣмъ. Положеніе оказалось крайне труднымъ. Помощь, однако, вскорѣ явилась. Министерство Иностранныхъ дѣлъ приняло на себя оплату преподаванія русскаго языка въ школѣ. О другихъ же расходахъ по оплатѣ труда думать было не нужно, ибо всѣ остальные работники школы отдавали ей свой трудъ безвозмездно. Школа уже жила. Интересъ дѣтей къ занятіямъ былъ очень великъ; дѣти во время ихъ жили душою, а не отбывали часы уроковъ, какъ это сплошь и рядомъ бываетъ во время школьныхъ часовъ. Весною 1926 года организованъ школою ея первый дѣтскій

*) Приблизительно $\frac{1}{7}$ доллара.

праздникъ. Дѣти читали разученныя ими, доступныя имъ стихотворенія и пѣли хоромъ русскія пѣсни. Восторгъ дѣтей былъ большой. Родители были растроганы. У нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ на глазахъ были слезы. Почувствовалось ясно, что начато хорошее русское дѣло, что оно дѣлается по инициативѣ и при участіи самихъ матерей и отцовъ дѣтей, во имя любви къ Родинѣ и къ дѣтямъ, рѣшительно безъ всякой матеріальной заинтересованности.

Но сохранится ли дальше *идеализмъ*, которымъ дѣло было рождено? Безъ него оно жить не могло бы; это было совершенно ясно. Сохранить его во что бы то ни стало — должно было быть теперь основною задачею тѣхъ, кто велъ школу. А между тѣмъ у части работниковъ школы начала появляться усталость. Дѣлаясь привычнымъ, ея дѣло уже не такъ стало привлекать къ себѣ интересъ и родителей. Но это такъ обычно во всѣхъ почти человѣческихъ начинаніяхъ. Очередною задачею людей, ведущихъ школу, становилось теперь — сохранить дѣло передъ лицомъ поднимавшихъ голову его враговъ, т. е. усталости и паденія интереса къ дѣлу, становившемуся привычнымъ. Этотъ трудный періодъ школы удалось пережить въ концѣ концовъ благополучно. Онъ былъ не легокъ; однако она росла продолжала. Несмотря на отсутствіе какой либо рекламы свѣдѣнія о ней стали распространяться. Съ просьбами принять дѣтей въ составъ учениковъ начали обращаться къ завѣдующему не только русскіе родители, но и чехи, женатыя на русскихъ. Въ то же время стали притекать и небольшія пожертвованія, денежные и учебными пособиями, которыхъ сама школа не имѣла возможности покупать. Число учащихся возрастало. Съ декабря 1927 года были начаты для учащихся чтенія со свѣтовыми картинами; которыя имѣютъ своею задачею знакомить съ Россіей не только устнымъ словомъ и книгой, но и путемъ *зрительныхъ образовъ*, даваемыхъ свѣтовыми картинами. Для перваго такого чтенія волшебный фонарь былъ добытъ бесплатно. Слѣдующія чтенія были устроены уже съ собственнымъ волшебнымъ фонаремъ, на пріобрѣтеніе котораго средства были пожертвованы Надеждою Николаевною Крамаржъ. Программа этихъ чтеній была выработана такая: въ первую очередь познакомить дѣтей съ главными городами и мѣстностями Россіи (при полномъ незнакомствѣ съ Россіей значительной части дѣтей, нѣкоторыя представляютъ ее себѣ только городомъ), а затѣмъ перейти къ ознакомленію съ русскимъ бытомъ. Въ исполненіе этой программы были организованы чтенія: «Москва», «Старинные русскіе храмы», «Петроградъ», «Изъ окрестностей Петрограда черезъ Москву на Волгу», «Кіевъ и Одесса», «Кавказъ и Крымъ», «Русская деревня», «Школа въ Россіи». Намѣчены въ ближайшее время чтенія: «Русская армія», «Русскій монастырь», «Русская фабрика». Предположено также, по мѣрѣ средствъ.

устроить рядъ чтеній-концертовъ, посвященныхъ исторіи *русской музыки*, въ связи съ русскимъ бытомъ. Намѣчены и вечера-чтенія *классическихъ произведеній русской литературы*. Учебная обстановка занятій, конечно, не имѣетъ строго класснаго, обычнаго характера. Она возможно болѣе приближается къ обстановкѣ *домашней*. Являясь школою дополнительной, на посѣщеніе которой дѣти отдають свой послѣбобѣденный досугъ отъ ученья въ основной для нихъ школѣ, при томъ почти не обладая средствами принужденія, курсы для дѣтей должны крайне беречь силы учащихся и обезпечивать успѣбность преподаванія почти исключительно *интересомъ* и *качествомъ* постановки его въ классѣ. Задаваніе уроковъ на домъ возможно только въ исключительныхъ случаяхъ. Это дѣлается главнымъ образомъ по русскому языку. Русская исторія выучивается со словъ преподавателя. Учебники даются лишь для справокъ и чтенія. По Закону Божию уроки задаются крайне рѣдко. Для домашняго чтенія дѣтямъ выдаются книги изъ постепенно растущей бібліотеки курсовъ, и учащіеся пользуются ею достаточно широко (до 35-ти книгъ на одного учащагося въ полугодіе). Возрастъ учащихся въ истекшемъ учебномъ году былъ — отъ 6-ти до 15-ти лѣтъ. Мальчики и дѣвочки обучались совмѣстно. Дѣлились они на три группы: старшую, младшую и начинающихъ, изъ которыхъ часть *еще не владѣетъ русскою рѣчью*. Воспитательный надзоръ находится въ рукахъ классныхъ надзирательницъ. Дѣтскіе праздники — елки въ послѣдніе два года устраивались на средства, жертвовавшіяся Н. Н. Крамаряжъ. Изъ этихъ средствъ выдавались рождественскіе подарки не только учащимся (ихъ было 34 человекъ), но и другимъ приходившимъ на праздникъ дѣтямъ (всего 53-мъ), а болѣе нуждающимся приобрѣталась одежда или обувь. Съ января 1928 года, по ходатайству родителей, школа принята въ вѣдѣніе *местной Академической группы*, модѣ имѣемъ Русскихъ Курсовъ для дѣтей. Эти курсы, кромѣ получавшагося школою пособія отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, получили пособіе и отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, что позволило оплачивать всѣхъ сотрудниковъ, кромѣ завѣдующаго, должность котораго, согласно уставу, не соединена съ матеріальнымъ вознагражденіемъ.

И. И. Лаппо.

III. О БОЖЕСТВЕННОМЪ ПРОВИДѢНІИ.

Ты ставишь мнѣ вопросъ, милый Луциліи, почему, если Провидѣніе править міромъ, хорошие люди претерпѣваютъ такъ много зла? Никогда ничего злого не можетъ случиться съ хорошимъ человекомъ. Божество относится къ нему по отечески

и крѣпко любить его; но, говорить Оно, надо при помощи труда, страданій и лишеній сохранить этихъ людей сильными, чтобы они получили истинную мощь. Божество не изнѣживаетъ ихъ. Оно испытываетъ ихъ, закаляетъ и готовитъ ихъ для Себя.

И если ты видишь, что хорошіе и драгоцѣнные для Бога люди идутъ въ трудъ и потъ по крутымъ тропамъ жизни, то знай, что Божество поступаетъ съ ними такъ, какъ учитель со своими учениками, когда требуетъ больше всего усилій отъ тѣхъ, на которыхъ онъ всего сильнѣе надѣется. Добродѣтель, лишенная противника, становится разслабленной. Счастье, дающееся безъ борьбы, не можетъ выдержать ни одного удара. Но тамъ, гдѣ человѣкъ ведетъ непрерывную борьбу съ препятствіями, — онъ закаляется для ударовъ и не поддается никакой бѣдѣ; и если онъ палъ, то онъ борется еще и па колѣняхъ.

Добродѣтель жаждетъ опасности и помышляетъ о своей цѣли, а не о своихъ страданіяхъ. Что она терпитъ, и то, что она переноситъ — составляетъ часть ея славы. Воины хвалятся своими ранами; радостно говорятъ они о той крови, которую они имѣли счастье пролить. Неудача есть лишь поводъ развить свою внутреннюю силу. Только то дерево сильно и крѣпко, которое часто колеблеть вѣтеръ. Итакъ: это служить на пользу добродѣтельнымъ людямъ, дѣлаетъ ихъ неустрашимыми, если имъ приходится долго оставаться среди устрашающихъ обстоятельствъ и спокойно переносить то, что кажется зломъ человѣку, не способному припятъ и вынести оласность.

Никакой ударъ враждебной судьбы не можетъ поколебать душу сильнаго человѣка. Онъ остается босспособнымъ и, что бы ни случилось, онъ умѣетъ использовать случившееся для своей цѣли, ибо онъ сильнѣе всего того, что идетъ извнѣ: я не говорю, что онъ этого не чувствуетъ, но онъ преодолеваетъ это и смотритъ на всѣ несприятности и препятствія, какъ на упражненія. Почему я знаю, какую бодрость ты сможешь противопоставить бѣдности, если ты всю жизнь утопашь въ богатствѣ? Какъ я узнаю твою твердость въ борьбѣ съ лозоромъ, клеветою и народною ненавистью, если ты достигъ старости среди рукоплесканій? Не трепещи же передъ тѣмъ, что Божество посылаетъ тебѣ въ видѣ духовнаго зова и поощренія.

Добродѣтельные люди бьются и трудятся, приносятъ жертвы и сами становятся жертвами и притомъ не противъ ихъ собственной воли; судьба не влечетъ ихъ, они идутъ за нею сами и идутъ съ нею въ ногу. Я не испытываю принужденія, я не терплю ничего противъ моей воли; моя преданность даже не есть служеніе, по согласію съ Богомъ во всемъ.

И такъ Божество закаляетъ, испытуетъ и научаетъ тѣхъ, кого любить.

Сенека.

Къ русскимъ гражданамъ.

Посильное участие въ дѣлѣ подготовки русскаго юношества за границей къ предстоящему ему отвѣтственному служенію Россіи — гражданскій долгъ всѣхъ за рубежомъ. Вы всѣ знаете безотрадное положеніе и высшей, и средней, и нижней школъ въ СССР, используемыхъ, главн. образомъ, въ качествѣ одного изъ орудій коммунистической партіи. Однимъ изъ ужасныхъ послѣдствій этой системы является отсутствіе опытныхъ молодыхъ работниковъ во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства въ Россіи, вынуждающее совѣтскую власть приглашать иностранныхъ technicians, давать иностранцамъ концессіи и все болѣе закабалять Россію и матеріально, и морально. Мы обязаны всячески парализовать это страшно опасное для нашей родины положеніе вещей и готовить здѣсь, во время нашего вынужденнаго пока пребыванія за границей, кадры работниковъ для будущей Россіи. Дѣло это и поставлено, какъ Вы знаете, въ довольно широкомъ масштабѣ: свыше 5 000 русскихъ студентовъ уже окончили курсъ ученія въ высшей школѣ и примѣняютъ свои знанія пока за границей, практически совершенствуясь, около 4 000 еще учатся. Въ этотъ счетъ не входятъ еще тѣ 6—7 тысячъ юношей, которые проходили и проходятъ школу заочнаго обученія, работая одновременно въ какой-либо отрасли народнаго хозяйства за границей.

Израсходовано на это дѣло свыше двухсотъ милліоновъ франковъ. Но намъ устаютъ помогать и правительства, и общественныя организациі, и частныя жертвователи, а дѣло необходимо довести до конца.

Настоящій годъ, въ этомъ отношеніи, особенно тяжелъ. Центральному Комитету необходима срочная поддержка и я считаю своею обязанностью обратиться ко всѣмъ русскимъ за границей, напомнить имъ объ ихъ гражданскомъ долгѣ и просить каждаго изъ нихъ внести въ Центральный Комитетъ по обезпеченію высшего образованія русскому юношеству за границей (79, Boulev. St.-Michel, Paris 5^e) свою лепту, въ предѣльной возможности каждаго, не стѣняясь ея размѣромъ, адресуя свое пожертвованіе по указанному выше адресу на мое имя, и привлекая къ пожертвованіямъ и иностранцевъ.

Сейчасъ идутъ недѣли сбора на дѣтей, на инвалидовъ и проч. Прекрасные сборы, нельзя забыть и объ этихъ святыхъ дѣлахъ, но въ то же время нельзя забывать и объ одной изъ самыхъ главныхъ—о помощи русской учащейся молодежи, о подготовкѣ участниковъ будущаго строительства въ имѣющей вскорѣ возродиться Россіи.

Не обращаясь къ этимъ способамъ сбора и не желая конкурировать съ ними, я рѣшилъ просто обратиться путемъ печати къ уму и сердцу русскихъ гражданъ, любящихъ свою родину и вѣрящихъ въ ея скорое возрожденіе. Помогите дѣлу подготовки русскаго опытнаго и знающаго людскаго матеріала, необходимаго для обезпеченія матеріальной и духовной независимости будущей Россіи.

Михаиль Федоровъ.

РОССІЯ И СЛАВЯНСТВО

Органъ нац.-освободительной борьбы и славянской взаимности.

Редакціонный комитетъ: К. І. Зайцевъ, Лоллій Львовъ,
С. С. Ольденбургъ, Глѣбъ Струве, Н. А. Цуриковъ.

Еженедѣльная газета при ближайшемъ участіи П. Б. СТРУВЕ.

Paris (V). 9. rue Le Goff. „La Russie et le Monde Slave“

„ЗА РОССІЮ“

Журналъ Национальнаго Союза Русской Молодежи за рубежомъ

Подписка принимается у А. А. Браунеръ

България. Русе. Духовно-Възрождане № 38

Цѣна за 1 книжку за границей 10 амер. центовъ

Православный Религіозно-Общественный Ежемѣсячникъ

„ В Ъ С Т Н И К Ъ “

Органъ Русск. Студенческаго Христіанскаго Движенія за Рубежомъ
(четвертый годъ изданія)

Освѣщеніе церковной жизни въ совѣтской Россіи; хроника анти-религіозной пропаганды Отдѣлъ посвященный вопросамъ религіозно-національнаго воспитанія русскаго юношества въ эмиграціи. Восемь разъ въ году „Вѣстникъ“ выходитъ съ приложеніемъ Бюллетеней Религіозно-Педагогическаго Кабинета, содержащихъ обзоръ основныхъ моментовъ теоріи и практики современной религіозно-педагогической работы.

Цѣна журнала 30 франковъ въ годъ, отдѣльный номеръ 3 франка.

Требуйте бесплатно пробные номера.

Адресъ редакціи: 10, Boulevard Montparnasse. Paris-XVe.

3-й годъ изданія **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** 3-й годъ изданія
на 1930-ый годъ на иллюстрированный историческій журналъ

„РОДНАЯ СТАРИНА“

издающійся Старовѣрческимъ Кружкомъ ревнителей старины подъ редакціей И. Н. Заволоко

Цѣна на 1 годъ — 1,50 ам. доллара
на 1/2 года — 0,80 ам. долл

Журналъ выходитъ самостоятельными
выпусками каждые три мѣсяца.

Адресъ редакціи: Latvija. Riga. Drabužu iela 10a. I. Zavoloko

Подписка принимается въ редакціи
BERLIN W 15, PARISER STR. 12 Gts. II
Herrn A. von Bunge.

По цѣнѣ: за три книжки 80 ам. цент.,
за шесть книжекъ 1,60 ам. долл. съ пересылкой.

Всѣ денежные и заказные пакеты
для редакціи журнала просятъ направлять
въ адресъ редакціи,
но исключительно на имя А. И. Бунге
A. von BUNGE.

При всякомъ иномъ адресованіи, почта
не выдаетъ отправленій и возвращаетъ
ихъ обратно.

Розничная продажа
во всѣхъ крупныхъ русскихъ книжныхъ магазинахъ.

Кромѣ того:
въ ЮГО-СЛАВИИ журналъ можно выписывать
черезъ Представительство Н. А. Павловскаго
Новый Садъ, ул. Змая Іовановича 25;

въ ПОЛЬШѢ представителемъ является
книжный магазинъ „Добро“
Krakowskie przedmiescie 53;

въ ЮЖНОЙ АМЕРИКѢ
Н. Ф. Эрнъ. Paraguay.
Asuncion Avenida Colombia 1314.

Цена книжки
въ розничной продажѣ
36 ам. центовъ.

Verantwortlicher Schriftleiter
Professor Dr. Iwan Iljin, Berlin

Neue Redaktionsadresse:
Berlin W 15, Pariser Straße 12 Gts. II

VERLAG „RUSSISCHE GLOCKE“
Inhaber: I. Iljin.